

005059847

На правах рукописи

РАСТИМЕШИНА Татьяна Владимировна

**ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В
ОТНОШЕНИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЦЕРКВИ**

Специальность 23.00.02 –

политические институты, процессы и технологии

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

доктора политических наук

16 МАЯ 2013

Москва – 2012

Диссертация выполнена на кафедре социальных наук и государственного управления Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный областной университет»

Научный консультант –

доктор политических наук,
профессор
Лоза Григорий Григорьевич

Официальные оппоненты:

доктор философских наук,
профессор
Военно-технического университета при федеральном Агентстве
специального строительства
Семаева Ирина Ивановна

доктор политических наук, профессор
Московского государственного технологического университета «СТАНКИН»,
Феофанов Константин Анатольевич

доктор политических наук, проректор
Московского городского психолого-педагогического университета
Кирсанов Анатолий Иванович

Ведущая организация:

Военный университет Министерства
обороны Российской Федерации
(кафедра философии и религиоведения)

Защита состоится «2» апреля 2013 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.155.14 по политическим наукам при Московском государственном областном университете по адресу: г. Москва, ул. Фридриха Энгельса, д.21а, ауд. 305.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского государственного областного университета (г. Москва, ул. Радио, д.10а).

Автореферат разослан «14» февраля 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

А.В. Абрамов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Религия всегда была и остается исключительно важным феноменом в развитии человеческой цивилизации. Ее влияние на все сферы жизнедеятельности в любом обществе трудно переоценить, поскольку сам феномен религии – явление социальное: религия вплетена в структуру общества, активно взаимодействуя с другими элементами его архитектуры. С ранних времен и до настоящего времени она воздействует на процессы социализации личности, очерчивая нормы регламентации индивидуальной жизни человека, влияет на развитие науки, определяет темпы, направления и содержательную сторону становления и развития культур. Исторический опыт показывает, что взвешенное и корректное отношение государства к религиозным организациям и конфессиям – залог общественного согласия и социальной стабильности, а свобода совести есть тип проявления свободы общественной – общепризнанной человеческой ценности. Сегодня все, что связано с религией, в том числе с культурным наследием церкви, является общим достоянием человеческой цивилизации, и все человечество призвано сохранять религиозное наследие, памятники религиозной культуры как уникальное явление социальной жизни для того, чтобы сконцентрированный в них исторический опыт предшествующих поколений транслировался современникам и был передан потомкам.

Актуальность исследования обусловлена многими причинами и факторами, в числе которых наиболее важными являются следующие.

Первое. В последние десятилетия во многих странах мира религия усиливает свои позиции и становится весьма весомым политическим фактором, социальная значимость которого постоянно возрастает, поскольку, с одной стороны, растет конструктивная составляющая взаимодействия религиозных организаций с государством, с другой стороны, многие политические проблемы, особенно проблемы национальной идентичности, являющиеся предметом неустанной заботы государства, претерпевают «перезагрузку», обогащаясь и отягощаясь религиозными смыслами и интересами. Это – закономерный процесс, поскольку с развитием демократических основ государственности и демократизацией всех сфер общественной жизни пределы толерантности (веротерпимости) расширяются, что требует от государства гарантий в отношении прав и возможностей функционального участия религиозных организаций в общественной жизни и постоянной корректировки государственно-церковной политики.

Второе. Тонкая грань государственно-церковных отношений в современных условиях требует переосмысления принципа отделения церкви от государства, учитывающего специфику церкви не только как исключительно сакрального института, но и как института социального, деятельность которого

стыкуется с интересами государства и народа, а в случае необходимости регулируется (без вмешательства во внутреннюю жизнь церкви) государством, призванным отражать интегративный общественный интерес. Принципиальная новация государственно-церковных отношений заключается в том, что и государство, и церковь взаимодействуют как равноправные субъекты, действующие каждый в сфере своей компетенции и взаимно поддерживающие друг друга в интересах утверждения гражданского мира и согласия в обществе.

Третье. Необходимость определения императивов и приоритетов политики в отношении культурного наследия церкви сегодня с особой остротой ставит вопрос о политике памяти – всей системе мероприятий и деятельности, направленных на формирование и воспроизведение идентичностей. Церковь и ее наследие являются мощными носителями символических смыслов, историко-культурных и религиозных текстов и подтекстов, которые могут быть использованы субъектами политики. Более того, в политике памяти всегда наиболее активно применялся ресурсный потенциал культурного наследия. Поэтому нельзя допускать, чтобы политика памяти становилась инструментом политических манипуляций и разжигания межконфессиональной и межнациональной розни. Соответственно, связь политики и религии, обеспечиваемая символикой культурного наследия, объективно требует глубокой научной рефлексии.

Четвертое. Своеобразие культурного развития современной России ориентировано на сохранение как общенационального, так и локального наследия. Поиск вектора государственной политики сохранения культурной идентичности сопровождается обнаружением новых ролей культурного наследия, которое постепенно становится инструментом политики нациестроительства. Его потенциал применяется через актуализацию накопленного и закодированного в нем социокультурного опыта, моделей и стратегий поведения. Эти обстоятельства делают актуальными выявление причин актуализации, ролей и функций культурного наследия церкви в политике нациестроительства.

Пятое. В 90-е гг. прошлого века произошел важный перелом в осуществлении российским государством политики памяти. Новые императивы и новое понимание политического значения общенациональной истории создали базис для достижения договоренности между государством и различными институтами гражданского общества по вопросу об интерпретации национального и государственного прошлого, сделав общенациональную память фактором социально-политической интеграции, а не разобщения. Начиная с издания Распоряжения Президента Российской Федерации «О возвращении Русской Православной церкви строений и религиозной литературы» (1991) в стране осуществляется процесс последовательного восстановления исторической справедливости по отношению к Православной церкви и иным религиозным организациям. Однако это исключительно

сложный процесс. Его осуществление сопряжено с противоречиями, особенно остро проявляющимися при решении вопросов восстановления религиозных организаций в имущественных правах, сопровождающегося демутеификацией культурного наследия, коммерциализацией его эксплуатации и другими процессами, вызывающими неоднозначную реакцию в обществе и государстве. Эти обстоятельства подчеркивают высокую политико-культурную значимость «реституции» церковного имущества и объективно требует серьезных исследований со стороны научного сообщества.

Таким образом, избранная нами тема диссертационного исследования характеризуется актуальностью и открывает перспективные направления политологического исследования.

Степень научной разработанности проблемы

Проблема государственной политики в отношении культурного наследия не обойдена вниманием со стороны российских и зарубежных ученых, рассматривающих различные ее стороны. Вместе с тем, ее междисциплинарный характер обязывает нас обозначить условные границы различных сторон разработки этой проблемы в трудах исследователей и на этой основе выделить несколько групп источников. В каждой из них раскрывается взаимосвязь различных аспектов политики наследия и ее сердцевины: сущность культурного наследия и политика в отношении этого феномена; история российской политики наследия и ее современное состояние; глобализация и политика национальной идентичности; политика государственной памяти и символическая легитимность и т.д.

Первая группа – это работы, посвященные научному анализу понятия, сущности, содержания культурного наследия. Несмотря на то, что сам термин «культурное наследие» широко используется в различных областях наук, содержание понятия по-прежнему остается размытым. Такие ученые, как Н.Н. Аверченко, Э.А. Баллер, М.М. Богуславский, О.В. Галкова, В.Г. Горбачев, А.Я. Гуревич, И.Я. Кирьянов, И.К. Кучмаева, И.В. Михеева, Е.В. Михайловский, С.Н. Молчанов, К.Е. Рыбак, В.Г. Раstopчин, А.П. Сергеев, В.Н. Тищенко, А.С. Щенков¹ рассматривают различные аспекты данного понятия,

¹ Баллер Э. А. Социальный вопрос и культурное наследие.- М.: Наука, 1987. -160с.; Богуславский М.М. Культурные ценности в международном обороте. Правовые аспекты. - М.: Юрист, 2005. – 210с.; Богуславский М.М. Пакт Рериха и защита культурных ценностей // Советское государство и право. – 1974. - №10; Горбачев В.Г., Раstopчин В.Г., Тищенко В.Н. Культурные ценности. Понятие, порядок приобретения, хранения и обращения. Справочное пособие. - М.: ВНИИ МВД СССР, 1989. - 275с.; Молчанов С.Н. Об использовании понятий «культурные ценности» и «культурное наследие» (достояние)» в международном праве // Московский журнал международного права. – 2002. - №2; Молчанов С.Н. Экспертно-правовое заключение (с поправками и

прежде всего, с позиций исторических, правовых наук и наук о культуре. Более широкий - общеполитический - подход представлен в работах М. Вебера, Г.-Г. Гадамера, Г.В.Ф. Гегеля, А. Тойнби, М. Хайдеггера, О. Шпенглера, К. Ясперса, и таких российских философов, как М.С. Каган, А.А. Пелипенко².

Вторую группу составляют научные труды, посвященные рассмотрению политико-правовой сущности и содержанию политики в отношении культурного наследия.

Исторические аспекты формирования и реализации политики наследия в российском государстве отражены в относительно небольшом количестве научных работ. Среди них следует выделить фундаментальный труд А.М. Разгона, в котором рассматривались самые разнообразные проблемные стороны политики наследия в дореволюционной России³.

Научных трудов, в которых анализировались бы проблемы охраны церковных памятников, также относительно немного. До 1917 года ученые, как правило, обозначали общие проблемы взаимодействия Синода и органов государственной власти в сфере охраны памятников и рассматривали конкретные, практические проблемы культуросбережения⁴.

Отсутствие пристального внимания советских исследователей к вопросам политики в отношении памятников православной культуры может быть объяснено идеологическими причинами. Тем не менее, в советское время появлялись содержательные и даже фундаментальные работы по вопросам

предложениями) к проекту областного закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) в Свердловской области» // С.Молчанов. Личный сайт. Режим доступа: <http://www.molchanov.biz/>; Рыбак К.Е. Принципы музейного права (историко-правовые аспекты) // Культура: управление, экономика, право. - 2006. - № 2. - С. 29–35; Сергеев А.П. Гражданско-правовая охрана культурных ценностей в СССР. - Л. Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. - 280с. и др.

² Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. - М.: Искусство, 1991; Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2-х тт. - М.: Мысль, 1970-1971; Каган М.С. Общее представление о культуре // Введение в культурологию: Курс лекций / Под ред. Ю.Н. Соломина, Е.Г. Соколова. СПб, 2003. - С.6-14; Пелипенко А.А. Искусство в зеркале культурологии. - М.: Нестор-История, Государственный институт искусствознания, 2009. - 318с.; Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: Сборник / Пер. с англ. - М.: Рольф, 2002. - 592 с.; Хайдеггер М. Исток художественного творения. - М.: Академический проект, 2008; Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / Перевод с немецкого и примечания Маханькова И.И. - М.: «Мысль», 1998; Ясперс К. Смысл и назначение истории. - М.: Республика, 1994. - 527 с.

³ Разгон А.М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861-1917гг.) // Труды НИИ Музееведения. - М., 1957. - Вып. 1- С. 73-128

⁴ Покровский Н.В. О мерах к сохранению памятников церковной старины // Христианское чтение. - 1906. - Т.221. - №4. - С. 482-483; Здравомыслов К.Я. Церковно-археологические учреждения в минувшем году // Церковные ведомости. - 1917. - Приб. К №8. - С.71

государственной политики Российской империи в области охраны памятников истории и культуры, законодательной деятельности органов власти. Среди них следует выделить научные труды Г.И. Вздорнова, Ю.Г. Галай, И.И. Комаровой, А.А. Формозова⁵.

В настоящее время такие авторы, как Н.А. Нарочницкая, А.С. Панарин, К.Э. Разлогов рассматривают политику в отношении наследия преимущественно в контексте культурной политики⁶.

Следует отметить, что в последние годы вопросы политики в отношении культурного наследия активно разрабатываются и на диссертационном уровне, однако внимание исследователей, как правило, приковано к культурологическим, историографическим или правовым сторонам политики в отношении наследия⁷. Политологические аспекты преимущественно

⁵ Вздорнов Г. И. История открытия и изучения русской средневековой живописи. - М.: Искусство, 1986. - 384с.; Галай Ю.Г. Деятельность государственных органов власти Российской Федерации по охране памятников истории и культуры 1917-1929 гг. (Историко-правовой аспект). - Н. Новгород, 1997; Галай Ю.Г. Циркуляры МВД Российской империи об охране памятников старины // Нижегородские юридические записки: Сб. Научных трудов. - Н. Новгород, 1995. - Вып. 1. - С.173-183; Галай Ю.Г. Роль Министерства внутренних дел дореволюционной России в правовом регулировании охраны памятников письменности // Ученые записки Волго-Вятского отделения Международной Славянской Академии наук, образования, искусства и культуры. - Н. Новгород, 1999. - вып.4. - С.48-53; Галай Ю.Г. Отечественное законодательство XVIII-XX вв. об охране памятников археологии: Сб. научных и методических статей. - Н. Новгород, 2004. - С.132-146; Комарова И.И. История законодательства по охране памятников архитектуры и культуры в России XVIII-начала XX века (историко-правовой аспект). - М.: Стройиздат, 1989; Формозов А.А. Русское общество и охрана памятников культуры. - М.: Советская Россия, 1990. - 108с.

⁶ Мельвиль А.Ю., Разлогов К.Э. Контркультура и «новый» консерватизм. - М.: Искусство, 1981. - 264 с.; Нарочницкая Н. А. Россия и русские в современном мире. - М.: Алгоритм, 2009. - 416 с.; Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. - Алгоритм, 2002. - 496 с. и др.

⁷ Агеева В.Б. Концепция «национального достояния» во французском архивоведении XVIII-XX веков: автореф. дис. ... канд. истор. наук. - М., 2008. - 22 с.; Андреева В.А. Взаимодействие государственных органов и институтов гражданского общества в сфере сохранения культурного наследия: автореф. дис. ... канд. социол. наук. - Санкт-Петербург, 2006. - 23 с.; Васкэ П.А. Государственно-правовое регулирование охраны православных церковных памятников истории и культуры в советской России. 1917-1941 гг.: автореф. дис. ... канд. юр. наук. - Нижний Новгород, 2006. - 29 с.; Еремин Л.В. Музеефикация особо охраняемых территорий историко-культурного значения в Республике Южной Сибири: конец XX - начало XXI века: автореф. дис. ... канд. истор. наук. - Томск, 2010. - 23 с.; Копсергенова А.А. Культурное наследие: философские аспекты анализа: автореф. дис. ... канд. филос. наук. - Ставрополь, 2008. - 22 с.; Матвенов Е.Р. Исторический опыт сохранения культурного наследия в Российской Федерации. 1920 - 2009гг.: на материалах Республики Калмыкия: автореф. дис. ... канд. истор. наук. -

остаются за пределами внимания ученых. Исключение здесь составляет диссертационная работа С.Н. Селезневой⁸, посвященная анализу культурного наследия в политических дискурсах 90-х годов.

В третью группу нами объединены труды, посвященные анализу феномена идентичности.

Идентичность как методологический концепт и цивилизационная характеристика, придающая устойчивость социальным и политическим системам в условиях глобализации, рассматривается в трудах З. Баумана, Э. Гидденса, С. Хантингтона⁹, а также в работах таких российских ученых, как Л.М. Дробижина, Е.С. Крестинина, В.В. Лапкин, О.Ю. Малинова, И.С. Семененко и др.¹⁰ Социологические и политологические аспекты идентичности

Астрахань, 2010. - 23с.; Тихонов В.В. Особенности музеефикации архитектурно-этнографических комплексов Предбайкалья: автореф. дис. ... канд. культур. наук. - Кемерово, 2004. - 18с.; Хитарова И.Ю. Философско-культурологический анализ информационной безопасности культурного наследия: автореф. дис. ... докт. филос. наук. - Санкт-Петербург, 2008. - 37с.; Чукова И.М. Государственно-правовая охрана церковных памятников старины в дореволюционной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Нижний Новгород, 2006. - 196 с.; Шестова С.М. Историко-культурологический анализ нормативного регулирования охраны и использования памятников истории и культуры в России: автореф. дис. ... канд. культур. наук. - Санкт-Петербург, 2009. - 26 с.

⁸ Селезнева Е.Н. Культурное наследие России в политических дискурсах 1990-х годов: автореф. дис. ... докт. филос. наук. - М., 2004. - 28с.

⁹ Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада. - М.: Издательство АСТ, 2003; Бауман З. Индивидуализированное общество. - М.: «Логос», 2002; Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. - М.: Весь Мир, 2004; Гидденс Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. - М.: Academia, 1999; Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. - М.: АСТ, 2008; Bauman, Z. Identity in the globalization world // Identity, Culture and Globalization / Ed. by E. Ben-Rafael, Y. Stenberg, - Leiden: Brill, 2000; Fucuyama, F. Identity and Migration // Prospect Magazine. - 2007. - №131. - P. 26-31; Featherstone M. Undoing culture: globalization, postmodernism and identity. - London: Sage Publications, 2000. - 178 p.; Featherstone, M. Postnational flows, identity formation and cultural space // Identity, Culture and Globalization / Ed. by E. Ben-Rafael, Y. Stenberg, - Leiden: Brill, 2001.

¹⁰ Дробижина Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. Ред. В.С. Магун. - М.: Изд-во ИС РАН, 2006. С. 10-29; Дробижина Л.М. Толерантность и проблемы интеграции многокультурных сообществ // Вестник Института Кеннана в России. 2009. Выпуск 16 / http://www.isras.ru/files/File/Publication/Tolerantnost_i_problemy.pdf; Дробижина Л.М. Возможен ли конструктивный национализм? // Россия в глобальной политике. - 2008. - № 6; Дробижина Л.М. Размышления о государственно-гражданской идентичности // Жизнь национальностей. - 2007. - № 2; Крестинина Е.С. Социально-политическая идентичность в условиях интеграции // Власть. - 2008. - №4. - С. 36-38; Лапкин В.В.

анализируются М.К. Горшковым, Н.И. Лапиным, В.И. Пантиним и др.¹¹

В.В. Лапкиным,

В четвертую группу мы выделили фундаментальные труды и статьи таких ученых, как П. Бергер, Ж.-П. Виллиам, Б. Дюрье, Ж. Казанова, Ж.-И. Кальвез, П. Капель, Д. Суро, П. Хилс, посвященные анализу феномена религиозности и роли религиозного фактора в политике¹². Среди российских ученых, исследующих наслонения и пересечения религиозного и политического, следует выделить В.И. Гараджу, А.А. Красикова, А.В. Логинова, Р.А.

Модернизация, глобализация, идентичность. Общие проблемы и российские особенности // Полис: Политические исследования. – 2008. – №3; Малинова О.Ю. Конструирование идентичности: возможности и ограничения // «Pro et Contra». – 2007. – №3. – С.60-65; Малинова О.Ю. Официальная символическая политика и конструирование макро-политической идентичности в постсоветской России // Полис. – 2010. – № 2; Семененко И.С. Дилеммы национальной идентичности: политические риски и социальные приобретения // Полис (Политические исследования). – 2009. – № 6. – С.8-23; Семененко И.С. Идентичность в системе координат мирового развития // Полис (Политические исследования). – 2010. – № 3. – С.40-58 и др.

¹¹ Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). – М.: РОССПЭН, 2000; Готово ли российское общество к модернизации / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. – М.: Изд-во «Весь мир», 2010; Лапин Н.И. Пути России: Социокультурные трансформации. – М.: ИФ РАН, 2000; Лапкин В.В., Пантин В.И. Россия и Евразия в контексте глобальной политической истории: проблемы идентичности и геополитики // Цивилизации, отв. ред. А.О. Чубарьян – Вып.6. – М.: Наука, 2004; Лапкин В.В., Пантин В.И. Ритмы международного развития как фактор политической модернизации России // Полис: Политические исследования. – 2005. – №3; Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е.Тихонова. – М.: Наука, 2005. – 396 с.; Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад // Сайт ИС РАН URL: http://www.isras.ru/analytical_report_Ident.html; Российская повседневность в условиях кризиса / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. – М.: Альфа Пресс, 2009; Россия в глобальных процессах: поиски перспективы / Отв. ред. член-корреспондент РАН М.К. Горшков. – М.: Институт социологии РАН, 2008 и др.

¹² Кальвез Ж.-И. Глобализация и Церковь // Полис: Политические исследования. – 2008. – №2. – С. 61-67; Berger P.L. The desecularization of the world: A global overview // The desecularization of the world: Resurgent religion and world politics / Ed. by P.L. Berger. Michigan: William B. Eerdmans Publishing Company, 1999; Casanova J. Public Religion in the Modern World. Chicago University of Chicago Press, 1994; Capelle, P. Dieu et la cité: le statut contemporain du théologico-politique. – Paris: les Éditions du Cerf, 2008. 320 p.; Duriez, B., Mabilille, F., Rousselet, K. Les ONG confessionnelles: religions et action internationale. – Paris: l'Harmattan, 2007. 282 p.; Heelas P. Detraditionalizing The Study of Religion // The Future of Study of Religion. Boston, 2000. Luckman T. Religion situation in Europe. SAGE. 1999; Bureau D. Pour une nouvelle théologie politique. – Paris: Parole et silence, 2008. 172 p.; Willaime, J.-P. Le retour du religieux dans la sphère publique: vers une laïcité de reconnaissance et de dialogue. – Lyon: Éd. Olivétan, 2008. – 110 p.

Лопаткина, М.П. Мchedлова, Н.Н. Поташинскую, Ю.Ю. Синелину, Ж.Т. Тощенко, И.Н. Яблокова и др.¹³

Изменения значимости и роли религиозного фактора в контексте трансформаций социальных, политических и культурных параметров обществ, государств и всего мира освещаются и осмысливаются в работах И.Г. Каргиной, С.Д. Лебедева, М.О. Орлова, Н.Н. Поташинской и др.¹⁴.

К пятой группе относятся научные труды, в которых, так или иначе, анализируется феномены времени, памяти, исторического прошлого в соотнесении со сферами социального и политического.

¹³ Гарджа В.И. Политика и религия // Наука и религия. – 1991. – №3; Мchedлов М.П. Религиоведческие очерки. Религия в духовной и общественно-политической жизни современной России. – М.: Научная книга, 2005; Красиков А.А. Религиозный фактор в европейской и российской политике Старые церкви. Новые верующие / под. ред. Фурман Д.Е., Каарияйнен К. – СПб. М.: Летний сад, 2000; Логинов А.В. Власть и вера. Государственные и религиозные институты в истории и современности. – М.: Большая российская энциклопедия, 2005; Мchedлов М.П. Православие и ислам: этноконфессиональные отношения / М.П. Мchedлов, А.Г. Шевченко, Ю.А. Гаврилов; Ин-т комплекс. соц. исслед. – М.: Наука, 2005; Мchedлов М.П. Религиозная идентичность. О новых проблемах в межкультурных контактах // Социологические исследования. – 2006. – № 10 – С.33-40; Поташинская Н.Н. Нация и религия в глобализованном мире / Проблемы национальных отношений в условиях глобализации. Политика. Экономика. Этносы. – М.: Московский Дом национальностей, 2001; Синелина Ю.Ю. Изменение религиозного мировоззрения россиян. Православные и мусульмане. – М.: Наука, 2006. – 90с.; Синелина Ю.Ю. Концепции секуляризации в социологической теории. Теоретические аспекты изучения религиозности населения в социологии религии. – М.: ОАО РИЦ ИСПИ РАН, 2009. – 123с.; Тощенко Ж.Т. Теократия: фантом или реальность. – М.: Academia, 2007; Яблоков И.Н. Религиоведение: учебное пособие и словарь-минимум по религиоведению. – М.: Гардарики, 1998 и др.

¹⁴ Каргина И.Г. Новые формы сакрализации светского и секуляризации сакрального в христианских обществах // Социологические исследования. – 2010. – №6; Лебедев С.Д. Парадоксы религиозности в мире позднего модерна // Социологические исследования. 2010. – № 12; Лебедев С.Д. Религиозный ренессанс как социальная реальность: к демофилогизации понятия // Социологический журнал. – 2007. – № 2; Орлов М.О. Место и роль религии в глобальных процессах современности // Власть. – 2008. – № 4. – С. 91 – 94; Орлов М.О. Религиозно-культурный фактор как условие трансформации международных и правовых отношений // Власть. – 2008. – №5. – С.66-69; Поташинская Н.Н. К анализу христианской интерпретации прав человека // Права человека: Интерпретации, международные дебаты. – М.: ИСПРАН, 1999; Поташинская Н.Н. Религия и социально-политические сдвиги в мире / Глобализация. Цивилизационные и гуманитарные аспекты. – М.: ИСПРАН, 2001; Поташинская Н.Н. Нация и религия в глобализованном мире / Проблемы национальных отношений в условиях глобализации. Политика. Экономика. Этносы. – М.: Московский Дом национальностей, 2001 и др.

Приоритет введения феномена времени в проблемное поле политических исследованиях принадлежит Г. Алмонду и С. Вербе¹⁵.

Специалисты в области психологии: К. Левин, Ж. Пиаже, К. Юнг¹⁶, - разрабатывали проблему существования человека и общества в темпоральном континууме. В частности, Э. Эриксон отмечал опасность конфликтных столкновений человека со временем¹⁷. В социальных науках, преимущественно, в психологии, также активно исследовались механизмы формирования, сохранения и трансляции представлений человека о времени, прежде всего, о прошлом.

Методология социологии и других общественных наук, благодаря социологу М. Хальбваксу, еще в 20-х гг. XX века обогатилась понятием и концепцией коллективной памяти. Ученый предложил рассматривать память не только как психический познавательный процесс, но и как социальную функцию¹⁸.

В XX веке стала активно развиваться не только социология хроноса - время также стало рассматриваться как категория различных разделов политической науки. Так, К. Мангейм предложил типологию политического сознания, основанную на различных представлениях о времени¹⁹.

Воззрения человека на время активно разрабатывались в рамках изучения мифического сознания. Такой подход отражен в трудах С. Брэндона, Э. Дюркгейма, М. Мосса, М. Элиаде²⁰, а также российских ученых С.С. Аверинцева, Е.А. Милетинского, С.А. Токарева²¹.

¹⁵ См. Almond G. Comparative political systems // J. of politics. Austin, 1956. -Vol. 18, №3; Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton: Princeton University Press, 1963; Verba S. Contest of Symbols: The Sociology of Election Campaigns through Israeli Ephemeria by Hanna Herzog. Cambridge: Harvard University Press.

¹⁶ Левин К. Динамическая психология: Избранные труды / Под общ. ред. Д. А. Леонтьева и Е. Ю. Пятаевой. - М.: Смысл, 2001; Пиаже Ж. Генетическая эпистемология. — СПб.: Питер, 2004. — 160 с.; Пиаже Ж. Моральное суждение у ребенка. — М.: Академический проект, 2006. — 480 с.; Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. - М.: Прогресс, 1993. - 331с.

¹⁷ См.: Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. Пер. с англ. — М.: Флинта, 2006. (Серия: Библиотека зарубежной психологии). — 342 с.

¹⁸ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. - М.: Новое издательство, 2007; Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. - 2005, №2-3(40-41)

¹⁹ Мангейм К. Идеология и утопия // Мангейм К. Диагноз нашего времени. - М.: Прогресс, 1994. — 258с.

²⁰ Дюркгейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Пер. с фр., послесл. и коммент. А.Б. Гофмана. - М.:

Р. Мертон и П. Сорокин впервые классифицировали типы времени, выделив календарный (физический) и социокультурный хронос. Время, темпоральность как инструмент урегулирования, упорядочения и осуществления контроля над социальной жизнью осмыслились в трудах У. Мура, П. Сорокина²². М. Фуко встраивал понятие времени в концепцию властных интересов²³, а М. Вебер обосновал возможность и методологическую продуктивность рассмотрения контроля над информацией и временем как одного из направлений осуществления бюрократической власти²⁴.

Для нашего диссертационного исследования важное значение имеют идеи К. Поппера, предложившего концепцию историцизмов - представлений об инвариантах истории. Утопический и догматический историцизм, в терминологии К. Поппера, или «политика прошлого» представляет собой «метафизику истории»²⁵. К. Поппер классифицировал догмы, принципы и технологии, посредством которых авторы историцистских конструкторов – политики «управляют» исторической памятью. Он показал, что именно на историцистских концепциях объяснения истории основываются утопические проекты развития социумов.

В шестую группу нами объединены научные работы, посвященные рассмотрению сложных и многогранных взаимоотношений церкви и российского государства.

Из научных работ дореволюционного периода следует выделить труды Е.П. Аквилонова, В.В. Андреева, П. Кремнецкого, В. Попова, С.Г. Рункевича, А.Я.

Восточная литература, 1996; Элиаде М. Космос и история. – М.: Прогресс, 1987. - 312 с.; Элиаде М. Священное и мирское / Пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. - М.: Изд-во МГУ, 1994. - 144 с.; Элиаде М. Мифы, Сновидения, мистерии. – М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1996. – 288с.; Brandon S. History; time and deity: a yistorical and comparative study of the conception of time in religious thought and practice. - Manchester; N.Y., 1965

²² Аверинцев С.С. К истолкованию символики мифа о Эдипе // Античность и современность. М., 1972. С. 90-102; Милетинский Е.А. Поэтика мифа / Исследования по фольклору и мифологии Востока. - М., Наука. 1976. - 407 с.; Токарев С.А. Ранние формы религии. Сб. статей. - М.: Политиздат, 1990.

²³ Moore W. Man, time and society. - N.Y.; L., 1963; Sorokin P. Sociocultural causality, space, time: a study of referential principles of sociology and social sciences. – N.Y., 1964 – 352 p.

²⁴ Foucault M. Discipline and punish: the birth of the prison. - L., 1977.

²⁵ Weber M. Economy and society: An outline of interpretive sociology. -Berkeley: University California Press, 1978. - Vol. 1; См. также: Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. - М.: Академический Проект, 2003. - 528 с.

²⁶ Поппер К. Открытое общество и его враги. - М.: Культурная инициатива, 1992. - Т. 2.

Шпакова²⁶. После 1917 года до конца 50-х годов и историю русской церкви, и теорию и практику церковно-государственного партнерства во всех областях ученые трактовали сквозь призму марксистско-ленинской теории и советской идеологии. Политическая ситуация и научная атмосфера кардинально изменились лишь в конце 50-х годов, что повлекло за собой расширение проблематики, методологии и теоретических оснований исследований. В частности, ученые стали освещать и подробно анализировать правовые аспекты религиозной политики государства, правовые основы взаимоотношений советского государства и церкви, правовое положение религиозных организаций, государственный контроль за исполнением законодательства о свободе совести²⁷.

Зарубежные исследователи акцентировали трагические и драматические события в истории церкви XX века: репрессии, экспроприация имущества, преследования²⁸.

В постсоветский период у ученых появилась возможность освободиться от жестких рамок марксистско-ленинской идеологии и научного атеизма, а также исследовательских границ, заданных государственной политикой в отношении церкви и религии, и предложить свой непредвзятый и научно обоснованный взгляд на историю и современность церковно-государственных отношений. Кроме того, историография и источниковая база исследований обогатилась собраниями церковно-исторических трудов, церковными нормативными актами, архивами Синода, эпистолярными источниками, мемуаристикой и т.д.

²⁶ Андреев В.В. Раскол и его значение в народной русской истории. – СПб: б.м., 1870.- 425с.; Аквилонев Е.П. О соборности церкви в связи с вопросом о восстановлении всероссийского патриаршества. – СПб: Тип. Училища глухонемых, 1905. – 26с.; Кремнецкий П. Христианское учение о царской власти и об обязанностях верноподданных: мысли, вкратце извлеченные из проповедей Филарета. – М.: Тип. И.Ефимова, 1888. – 58с.; Попов В. О Святейшем Синоде и об установлениях при нем в царствование Петра I. – СПб: Тип. В.С. Балашова, 1881. – 98с.; Рункевич С.Г. Учреждение и первоначальное устройство Святейшего правительствующего Синода (1721-1725 гг.) / История русской церкви под управлением Святейшего Синода. Т.1. – СПб.: Типография А.П. Лопухина, 1900. – 435с.; Шпаков А.Я. Государство и Церковь в их взаимных отношениях в Московском царстве. – Одесса: Тип. «Техник», 1912. – 425с.

²⁷ Анисимов С.Ф. Настольная книга атеиста. – М.: Политиздат, 1987. – 431 с.; Давидюк Г.П. Несовместимость религиозной идеологии и коммунизма. – Минск: Университетское, 1963. – 159с.; Коммунистическая партия и советское правительство о религии и церкви: Сборник. – М., Госполитиздат, 1961. – 111с.; Куроедов В.А. Религия и церковь в советском обществе. – М.: Политиздат, 1984. – 256с.; Розенбаум Ю. А. Советское государство и церковь. – М.: Наука, 1985. – 174с., Шафаревич И.Р. Законодательство о религии в СССР. – Париж: ИМКА-пресс, 1973 и др.

²⁸ Hauptmann P. Die Orthodoxe Kirche in Russland. Dokumente ihrer Geschichte (860 - 1980 gg.) Gottingen; 1988.

Эти факторы не могли не отразиться на тематике трудов, глубине проникновения в материал и степени объективности и непредвзятости исследовательских оценок и выводов. Так, послереволюционные отношения церкви и государства глубоко исследуются в работах А.Н. Лещинского, И.И. Миговича, М.И. Одинцова, С.Г. Петрова, Д.В. Поспеловского, Н.А. Трофимчука²⁹.

В последние годы тема взаимоотношений церкви и государства рассматривается исследователями как обладающая значительным диссертационным потенциалом, поэтому она раскрывается и на диссертационном уровне³⁰.

Обобщая степень разработанности проблемы в российской и зарубежной литературе, мы пришли к следующим выводам. Во-первых, политика российского государства в отношении культурного наследия церкви еще не рассматривалась в качестве самостоятельного диссертационного исследования. Во-вторых, современная российская практика охраны и эксплуатации культурного наследия в целом и культурного наследия церкви, в частности, испытывает острую потребность в концептуальном обеспечении по многим направлениям ее преобразования и совершенствования. В-третьих, большинство научных работ направлено на исследование исторических, правовых или культуроохранных аспектов осуществления политики в отношении культурного наследия церкви либо на изучение специфики политических взаимоотношений церкви и государства. Вместе с тем, комплексное исследование политики наследия с политологических позиций предпринималось только отдельными учеными. Недостаточно исследована роль

²⁹ Лещинский А. Н. Время новых подходов: О советских гос.-церк. отношениях. - М.: Знание, 1990. - 79с.; Мигович И.И., Трофимчук Н. А. Развитие взаимоотношений государства и церкви в контексте нового политического мышления: Вопросы и ответы. М.: Об-во «Знание» РСФСР, 1990. - 39с.; Одинцов М.И. Государство и церковь: история взаимоотношений 1917-1938 гг. - М.: Знание, 1991.- 64с.; Петров С.Г. Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской церкви (1921—1925 гг.) / Отв. ред. Н. Н. Покровский. М.: РОССПЭН, 2004; Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. — М.: Республика, 1995. - 511 с.

³⁰ Бабкин М.А. Свержение монархии в России в 1917 году и Православная Церковь: автореф. дис. ... канд. исторических наук. - М., 2003. - 34с.; Донцев С.П. Русская православная церковь и государственные институты РФ: механизмы политического взаимодействия : автореф. дис. ... канд. полит. наук. - М., 2007; Капалин А.М. Социальные функции института Русской православной церкви: автореф. дис. ... кандидата социологических наук. - Тюмень, 2009; Касаткин П.И. Роль Русской Православной церкви в современных мировых политических процессах: автореф. дис. ... канд. полит. наук. - М., 2010; Редько М.В. Русская Православная Церковь в условиях советского общественно-политического строя 1940-х - 1980-х гг.: на материале Красноярской епархии: автореф. дис. ... канд. истор. наук. - Иркутск, 2010 и др.

культурного наследия в политике национальной идентичности, политике государственной памяти. Таким образом, налицо несоответствие между актуальностью проблемы диссертационного исследования и степенью ее разработанности в трудах отечественных и зарубежных ученых.

Научная проблема диссертации заключается в раскрытии механизма политики российского государства в отношении культурного наследия церкви. При решении проблемы диссертант исходит из сущностного положения, определяющего политику в отношении культурного наследия как деятельность государства и иных акторов, нацеленную на конвертирование различных сторон ценности и значимости объектов культурного наследия в политическую власть.

Объектом исследования является собственно политика российского государства в отношении культурного наследия Православной церкви.

Предметом исследования является содержание деятельности государства и других акторов политики по охране и эксплуатации культурного наследия Православной церкви.

Цель исследования состоит в осуществлении политологического анализа сути, содержания, механизмов, основных направлений, императивов политики Российского государства в отношении культурного наследия церкви, установлении взаимосвязи политики наследия с политикой национальной идентичности и политикой национальной памяти.

Достижение основной цели предусматривает решение следующих задач:

- Раскрыть теоретико-методологические основы исследования политики российского государства в отношении культурного наследия РПЦ;
- Проанализировать значение культурного наследия церкви в российской государственной политике национальной идентичности;
- Сформулировать авторское понимание механизма конвертирования ценности культурного наследия в ресурсы власти;
- Выявить факторы актуализации и значение культурного наследия церкви в политике национальной памяти как одной из важнейших составляющих политики национальной идентичности;
- Раскрыть политический смысл укрепления церковно-государственного партнерства в осуществлении политики национальной идентичности;
- Выявить тенденции эксплуатации переданных церкви объектов культурного наследия;

- Подвергнуть оценке политические и социокультурные эффекты реализации современной политики российского государства в отношении культурного наследия церкви.

Теоретико-методологической основой диссертационного исследования послужили труды классиков политологии, истории, политической философии, культурологии, политического менеджмента по рассматриваемой в диссертации проблеме. Методологическую базу исследования составили политологический, сравнительно-политологический, институциональный, социологический и системный подходы к анализу политической сущности и содержания политики в отношении культурного наследия церкви.

Методология данной диссертации объективно связана со спецификой её предмета: комплексный характер исследования не позволяет применять исключительно методы одной области науки. Исследование государственной политики культурного наследия имеет характер междисциплинарного, поскольку в его базе, наряду с сущностью политики, лежит изучение исторических, социальных, культурных, художественных, религиозных, правовых, психологических факторов, что подразумевает обращение к методологии, категориям и выводам не только политологии, но и других фундаментальных наук. Поэтому и предпосылочное, и выводное знание в таком ракурсе выступает не как случайное, бессистемное или эклектичное соединение посылок и выводов смежных политологии наук, а как методологическая технология, синтезирующая различные методологические модели, понятийные аппараты различных дисциплин на основе ведущего - политологического метода исследования. Такой технологический синтез методов на основе ведущего политологического метода позволяет диссертанту собрать в единую картину различные теоретические модели, и уже сквозь эту призму теоретически интерпретировать различные политические ситуации и тенденции.

В диссертационном исследовании были использованы методы социально-философского, политологического, социологического, сравнительно - исторического, сравнительно-политологического анализа и синтеза, классификации и систематизации, теоретического обобщения, описания и др. Основными методами исследования также явились: системно-логический сравнительный анализ общей и специальной литературы, публицистики, мемуаристики, материалов периодической печати; обобщение имеющейся в распоряжении автора фактографической базы данных, в которых отражены различные аспекты политики культурного наследия в России и современные тенденции в ее осуществлении. При этом автор фиксирует внимание именно на политических аспектах охраны и эксплуатации культурного наследия церкви,

что особенно важно, имея в виду, что данный вопрос не осмыслился в политологической методологии и в историческом срезе.

Научная новизна исследования заключается:

- В раскрытии сущности политики российского государства в отношении культурного наследия церкви, выявлении ее базисных политических императивов и приоритетов;
- В анализе значения культурного наследия церкви в российской государственной политике национальной идентичности;
- В раскрытии базового механизма государственной политики культурного наследия; в классификации технологий политики культурного наследия (на основе функциональной роли, которая отводится памятнику культуры в структуре политической технологии);
- В характеристике политики национальной идентичности российского государства и роли традиционной религии России в ней;
- В анализе факторов актуализации и значения культурного наследия церкви в российской политике национальной памяти;
- В обнаружении политического смысла «реституции» церковного имущества;
- В выявлении и оценке тенденций эксплуатации переданных церкви объектов культурного наследия;
- В обнаружении и оценке политических и социокультурных эффектов реализации современной политики российского государства в отношении культурного наследия церкви.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Политическая сущность политики российского государства в отношении культурного наследия церкви состоит в конвертировании ценности и значимости объектов культурного наследия во властные ресурсы в соответствии с императивами политической целесообразности, эффективности, рационального и избирательного отношения государства к явлению культурного наследия церкви в целом и отдельным объектам религиозной культуры. Причем последние в таком механизме играют роль инструментов, ценность которых не имманентна, а технологична: она «присуждается» и нивелируется правящей элитой, меняется в соответствии с тенденциями изменений ее политических потребностей и интересов.
2. Политическая охрана и эксплуатация культурного наследия церкви с начала XVIII века осуществляется преимущественно в рамках политики национальной идентичности, главной целью которой является

формирование у российской нации представлений о своей истории, языке, культуре, религии, геополитическом предназначении и миссии. Основная политическая функция культурного наследия церкви состоит в акцентуации и укреплении историко-символических (в первую очередь, сакральных) оснований легитимности политического режима. Политическая актуализация культурного наследия церкви осуществляется в те периоды политического развития, когда интересы сохранения государственной власти, обеспечения единения общества и власти требуют укрепления сакральных и народных оснований ее легитимности.

3. Росту субъектности церкви в политике наследия в современной России благоприятствуют три фактора: политическая актуализация традиционной религиозности, возвращение религиозным организациям имущества религиозного назначения, рост значимости символического ресурсного потенциала памятников православного искусства для осуществления политики нациестроительства.
4. Ключевой составляющей политики национальной идентичности в России является политика национальной памяти. В ее основе лежат механизмы производства и продвижения историцистских схем: способов интерпретации государственного, национального прошлого в качестве доминирующих. В основе историцистской схемы текущей власти лежит догматизация сакральности и национальной природы государственной власти. Контроль государства над исторической памятью выполняет важнейшие политические функции: обеспечение единения общества и государства на почве единого восприятия истории, удовлетворение потребности политической элиты в великом прошлом, создание образа исторически преемственной власти.
5. Передача религиозным организациям имущества религиозного назначения в настоящее время является одним из ключевых направлений политики российского государства в отношении культурного наследия церкви. Вместе с тем, создаются благоприятные основания для осуществления церковью политики социокультурной реституции. Получив законную возможность определять социокультурный режим использования переданных объектов культурного наследия, контролировать часть социокультурной среды, РПЦ формирует клерикальный и этноконфессиональный контекст восприятия памятников культуры.
6. Экономические, политические, идеологические и духовные трансформации, произошедшие в России за последние два десятилетия, изменения в политике государства по отношению к культурному наследию и самой

церкви императивно требуют плодотворных, свободных от мифологизации и архаизации общественного сознания поисков нового места, роли и функций института церкви в политическом настоящем и будущем России.

7. В период революционных по своим последствиям разломов в социально-политической жизни страны нельзя допускать, чтобы проблемы культурного наследия вообще и Православия, в частности, вовлекались в социокультурную политику государства исключительно как специфические символы национальной идентичности и становились носителями политически интерпретированных культурных ценностей, формально подчеркивающих единение нации вокруг «уникального», «исконно российского» и специфического пути развития, но фактически способствующих не столько социальной интеграции и сплочению, сколько социальной дезинтеграции и разобщению нации.

Эмпирическую базу диссертации составляют результаты социологических исследований, опросов общественного мнения, проведенные специалистами Всероссийского центра исследования общественного мнения, Фонда общественного мнения им. Ю. Левады, Института общественного проектирования, данные интервьюирования, проведенного самим автором.

Важнейшей аналитической основой исследования стали нормативно-правовые акты, издававшиеся органами государственной власти в разные периоды развития российской государственности: именные указы, постановления Сената и Св. Синода, изданные до 1917 года, декреты советской власти впервые послереволюционные годы, постановления Правительства СССР и современной России, указы президентов России, официальные материалы интернет-сайтов органов власти РФ, документы РПЦ.

Немаловажную часть эмпирической базы исследования составили результаты анализа и обобщения конкретных фактов и явлений политической, духовной, культурной жизни России, анализ документов, интервью, сведений, опубликованных в печатных и электронных средствах массовой информации, посвященных проблемам политики российского государства в отношении культурного наследия церкви.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы.

Во *Введении* обосновывается актуальность темы исследования, раскрывается степень разработанности проблемы, формулируются цель и задачи исследования, определяются его методологические основы, новизна,

основные положения, вынесенные на защиту, и научно-практическая значимость, дается общая характеристика структуры диссертационной работы.

Глава I. Политика российского государства в отношении культурного наследия церкви: методологические основы анализа

1.1. Культурное наследие Русской православной церкви: понятие, социально-политическая сущность, содержание

В Европе первое документальное упоминание об интересе государства к древностям и проблемам их сохранения датируется XV веком. В России первый указ государя в этой сфере был издан в 1681 году. Первые нормативные акты (указы Федора Алексеевича «Об описи дел в приказах и о подаче государю описных книг и счетных списков», Указы Петра I «О сдаче старинных редкостей комендантам» от 13 февраля 1718 г., «О каменном и деревянном строении в Москве» от 19 января 1722 г., указы Сената «О присылке из монастырей Российского государства жалованных грамот» от 20 декабря 1720 г., «О доставлении в Петербург раковин и камешков» от 21 декабря 1716 года, «О покупке в Сибири курьезных вещей и о присылке оных в Берг и Мануфактур - коллегию» от 16 февраля 1721 г. и др.) регламентировали государственный контроль над эксплуатацией или охраной лишь одного или нескольких объектов, имеющих историческую или культурную ценность.

Анализ содержания документов XVII-XIX вв. показывает, что в качестве объектов охраны в этих нормативных актах выступали разнопорядковые предметы, обладавшие научной, исторической, реже – художественной значимостью для общества и государства. Для их наименования применялись такие термины, как «предметы старины» и «старинные редкости», «старые», «необыкновенные», «куриозные», «оригинальные» вещи³¹. Системной классификации объектов государственной охраны долгое время не существовало.

В советский период сохранению и правовой охране историко-культурного достояния стали уделять особенно пристальное внимание только во 2-ой половине XX века, в этот период сформировались основные подходы к определению ее объекта: памятниковый подход, ценностный подход, концепция всемирного культурного наследия.

Сегодня мы должны отказаться от «памятникового» подхода к объектам культурного наследия, в рамках которого они понимаются как переходящее от поколения к поколению *имущество*, обладающее имманентной

³¹ Михеева И.В. К проблеме формирования понятия «памятники истории и культуры» в законодательстве Российской империи // Законодательная техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. статей: В 2 т. / Под ред. В.М. Баранова. - Нижний Новгород, 2001. - Т.1. – С. 530-531

ценностью. Культурное наследие следует понимать, прежде всего, как *среду*, «*пространство бытия*», насыщенное символическим, историческим, эстетическим, этическим содержанием, в активном взаимодействии с которым человек обретает модели и коды самоидентификации. Наследие – «явление духовной жизни, быта, уклада, унаследованное от прежних поколений, от предшественников»³². Это результирующее образование деятельности предков, унаследованные потомками в силу его способности удовлетворять их материальные и духовые потребности. С точки зрения задач нашего исследования, в культурном наследии важен также символический, информационный компонент. На его значение, в частности, обращает внимание М.Е. Кулешова, которая справедливо полагает, что «наследие можно рассматривать как информационный потенциал, запечатленный в явлениях, событиях, материальных объектах и необходимый человечеству для своего развития, а также сохраняемый для передачи будущим поколениям»³³.

Решая задачу очерчивания границ *объекта* рассматриваемой в исследовании политики, то есть культурного наследия Русской Православной церкви, с учётом как методологических наработок ученых различных областей знания, так и особенностей практики использования и охраны культурного наследия церкви в нашей стране, в качестве его основных признаков мы выделяем следующие:

1. В его объем входят «памятники: произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, надписи, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки; ансамбли: группы изолированных или объединенных строений, архитектура, единство или связь с пейзажем которых представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки; достопримечательные места: произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии»³⁴.
2. Его содержание составляют не только те объекты, которые создавались в качестве предметов религиозного культа, но и все, что являлось результатом деятельности Русской Православной церкви: архитектурные сооружения, произведения живописи, скульптуры,

³² Ожегов С.И. Словарь русского языка. - М.: Оникс. - 640с. - С.252

³³ Кулешова М.Е. Понятийно-терминологическая система «природное культурное наследие»: содержание и основные понятия // Уникальные территории в культурном и природном наследии регионов: Сб. науч. тр. М.: Наука, 1994. - С. 40-52.- С.41.

³⁴ Конвенция ЮНЕСКО «Об охране всемирного культурного и природного наследия» // Указ Президиума ВС СССР от 09.03.1988. - № 8595-XI

литературные произведения (молитвы, книги), церковная утварь, одежда, монастырские здания и т.д. Их важнейшим атрибутом является имманентная связь с православной верой и традиционной для России религией.

3. Его содержательная сторона не ограничивается собственно объектами культуры и произведениями искусства. В зону внимания государства попадают, в том числе, архитектурно-ландшафтные объекты, в которых единство архитектуры и пейзажа представляет выдающуюся универсальную ценность.
4. Его содержание включает не только материальные объекты, имеющие вещное воплощение, но и объекты, принадлежащие к нематериальному наследию: молитвы, ритуалы, таинства, догматика, доктрины и др.
5. Историко-культурное-происхождение объектов (связанность с деятельностью Русской Православной церкви) не следует смешивать с формой собственности на объекты. В XX веке все наследие церкви было фактически у нее изъято, а сам институт церкви на долгое время перестал быть юридическим лицом. Соответственно, мы ориентируемся не на имущественную, а на историко-культурную связь объектов с институтом церкви.

1.2. Эксплуатация и охрана культурного наследия в политике российского государства: «конвертирование» культурной ценности в ресурс власти

В диссертационной работе автор ставил перед собой цель связать действия по отношению к культурному наследию с интересами и задачами тех субъектов, которые являются основными акторами политики наследия, в первую очередь, государства. По замечанию Г. Гегеля, рассмотрение истории убеждает нас в том, что действия людей вытекают из их интересов, и лишь они играют главную роль. Поэтому вне учета политического интереса невозможно понять истинный смысл, намерения и конкретные шаги в политике государств, партий, социальных групп и конкретных личностей.

В основе политики культурного наследия также лежит политический интерес - рациональное и избирательное отношение субъекта политики к явлению культурного наследия в целом и отдельным объектам культуры, имеющим материальное или нематериальное воплощение. Именно интерес выступает и как реальная причина активности субъекта, инициирующего и организующего охрану, эксплуатацию, экспроприацию или разрушение тех или иных объектов культурного наследия. В основе интереса могут лежать как определенные мировоззренческие принципы, идеалы, культурные ориентиры, убеждения и установки, так и различные, даже самые низменные потребности носителей интереса.

В понятийном пространстве культурная ценность, как правило, понимается как служащая удовлетворению, в первую очередь, культурных потребностей. Однако в мире политики ценность вещи – это полный сосуд, который наполняется не внутренним имманентным содержанием самой вещи, но, в первую очередь, тем, какую потребность здесь и сейчас по отношению к вещи испытывает субъект особенно остро, какой цели он может достичь, используя ее. Ценность (значимость) культурного наследия для субъекта политики всегда связана с возможностью объекта удовлетворить политические потребности субъекта. Текущая политическая потребность может быть идеальной и возвышенной, а может иметь материальное содержание. *Поэтому политика в отношении культурного наследия – это осознанно избранная ее субъектом совокупность целей, технологий и практических методов, позволяющих «конвертировать» как имманентную и идеальную, так и сиюминутную, субъективную значимость объектов культурного наследия во власть.* Она может носить не только охранительно-созидательный, но и разрушительный характер, в зависимости от характера осознанной субъектом политики потребности. Культурное наследие может конвертироваться в удовлетворение потребностей в утилитарных политических ресурсах; в контроле над идентичностью, идеологией; в легитимности и поддержке, признании и уважении; в положительном имидже, в символах и атрибутах власти.

В каждом конкретном случае политическое использование культурного наследия представляет собой политическую технологию. Политические технологии политики культурного наследия трудно классифицируемы. На наш взгляд, одним из продуктивных вариантов классификаций может быть инструментальная сепарация, построенная на основе того места, которое занимает в структуре технологии сам объект культурного наследия, функциональной роли, которая отводится памятнику культуры. Она подразумевает определение того ресурсного потенциала культурного наследия, на использовании которого строится политтехнология, применяемая для решения конкретных проблем в сфере политики. На этом основании выделяются две группы технологий.

В первую группу мы можем объединить *традиционные* технологии. В этой группе достаточно четко выделяется несколько подгрупп:

- ресурсные технологии (использование утилитарных свойств объекта культурного наследия);
- инструментальные (применение тех или иных параметров объекта в качестве инструмента достижения конкретных политических целей);
- символические (использование объекта культурного наследия как знака, символа, отсылающего к тому или иному событию, эмоции, ситуации; так, храм, имеющий символическое значение, используется в качестве фона для произнесения политической речи, воззвания);

- процедурные (культурное наследие нематериального происхождения – ритуалы, молитвы, песни, сюжеты применяется в качестве элемента того или иного политического действия, события, например, парадов, коронаций, инаугураций и т.д.)

Вторую группу составляют *инновационные* технологии. Их можно также обозначить как технологии *актуализации* культурного наследия. Важное отличие инновационных технологий от технологий первой группы состоит в их комплексном и многоплановом характере. Субъект использует на один конкретный объект культурного наследия и не одну из его сторон, не одну функционально-ролевую возможность, а целую область социокультурного пространства, среды, интерпретируя ее содержание, эксплуатируя его «ауру» в своих политических целях посредством введения в политический дискурс.

1.3. Религиозный фактор в политике идентичности: тенденции глобализации и нациестроительства в России

Религией в гуманитарном знании принято считать особую сферу общественного сознания, форму мировоззрения, а также свойственное людям, исповедующим культ, обусловленное верой поведение и действия. К основным компонентам религиозной сферы относятся религиозный культ, религиозное сознание, религиозная деятельность, религиозные отношения, религиозные организации.

В последние десятилетия исследователи отмечают все больше переплетений в тканях религии и политики, все больше смысловых единств и аллюзий. Задачи постижения изменений во взаимоотношениях религиозного и политического заставляют нас отказаться от традиционных методологий, от априорного принятия идей рационализации, секуляризации или модернизации. На пути осмысления текущих изменений мы примыкаем к числу исследователей, считающих окончательную победу секуляризации мнимой, предполагаемой, декларативной и мифической (соответственно, мифологизированной)³⁵ и предлагающих акцентировать не сужение сферы

³⁵ Митрофанова А. В. Религиозный фактор в мировой политике и проблема «цивилизаций» // Век глобализации. - 2008. - №1. [Электронный ресурс] / Соционауки.- Режим доступа: http://www.socionauki.ru/journal/articles/129831/#_ftn10; Узналер Д. Еще раз о постсекулярном [Электронный ресурс] /Электронный журнал Черняховский С. Враги и гости. Сложности мультикультурализма15.11.10 / URL: <http://www.russ.ru/pole/Vragi-i-gosti>; Messner, F., Bastian, J.-P. Minorités religieuses dans l'espace européen: approches sociologiques et juridiques. – Paris: Presses Universitaires de France, 2007; Robertson R., Chirico J. Humanity, Globalization, and Worldwide Religious Resurgence: a Theoretical Exploration // Sociological Analysis. – 1985. - vol. 46(30); Хабемас Ю. Против «воинствующего атеизма»: «Постсекулярное» общество – что это

религиозного в цивилизации, а внутренние трансформации ее содержательной стороны и сопровождающие их функционально-ролевые сдвиги.

Действительно, в условиях глобальной текучести и неустойчивости в разных странах религия обретает новое значение: она применяется социальными акторами, в первую очередь, как инструмент гармонизации социальных систем, очерчивания границ наций-государств. При смене нормативных парадигм, социокультурных горизонтов устойчивость цивилизаций и государств обеспечивается за счет их «скрепления» и подпитки такими стабильными конструкциями, как религиозные нормы, традиции, ценности. В новых условиях связь идентичности с религией сделала последнюю одним из источников и ресурсов сохранения и осуществления государственной власти в глобальном мире.

Устойчивость и широта религиозной идентичности, неисчерпаемый информационно-символический ресурс этого феномена, позволяет и российским элитам расширять применение религиозного фактора в политике национальной идентичности. Нациестроительство или политика идентичности проводится большинством современных государств. Как правило, она направлена на формирование у нации определенных представлений о себе, своей истории, языке, культуре, религии. В качестве ее инструментов используется официальный язык, школьные программы, национальная история (память), культурное наследие, религиозный фактор, государственные праздники и символика. Политика идентичности призвана обеспечить интеграцию граждан одной нации и государства «поверх» внутригосударственных социальных, этнических, конфессиональных границ. Вместе с тем, она нацелена на обеспечение единства общества и политической власти, укрепление оснований политической легитимности. В этом отношении, «нациестроительство является существенной частью борьбы государственной элиты за власть, влияние и поддержку»³⁶.

В России, как и во всем мире, наблюдается стойкая тенденция актуализации религиозного фактора: согласно масштабным исследованиям Института общественного проектирования, в 1991 г. православными в России называли себя примерно треть взрослого населения, а в 2006 году - две трети. Однако в современной России религиозная идентичность включает в себя весь спектр отношения людей не к конкретной религии, а к собственным представлениям о ней. Человек может идентифицировать себя с той или иной религией, не только будучи воцерковленным верующим, но и просто относя

такое? // [Электронный ресурс] // Исламский портал: оперативно о вечном. Режим доступа: <http://www.islam-portal.ru/mnenia/100/1411/>;

³⁶ Малинова О.Ю. Конструирование идентичности: возможности и ограничения // «Pro et Contra». – 2007. - №3. – С.60-65. - С.61

себя к нации и народу, для которых данное вероучение является традиционным, а традиционной религией России было и остается православие³⁷.

Наибольший политический ресурсный потенциал православного фактора заключен в традиционной религии России как в совокупности образов и символов, знаковых конструкций, надежно и прочно ассоциируемых гражданами с российской государственностью и национальной историей. Политика идентичности России в последние 20 лет нацелена на осуществление «русского проекта», внутреннее содержание которого включает концепты православия русской нации и пребывания российской государственности под божественным покровительством. Поэтому применение православного фактора в политике идентичности базируется на вариативном использовании репертуара внутренних смыслов понятия «православие», «религия», «православная нация» и т.д.

1.4. Культурное наследие церкви в государственной политике национальной памяти

Память в ее политическом преломлении можно рассматривать как пространство политической борьбы различных акторов за право на интерпретацию общего (государственного, национального) прошлого. Память, будучи одним из направлений политики нациестроительства, произвольна и производна от власти, потому что во всем мире государства контролируют большую часть памяти и часто претендуют на ее монопольное использование в качестве политического ресурса.

Осуществляя политику памяти, политические режимы нередко уничтожают – конструируют картины прошлого в соответствии с потребностями политики настоящего и актуальной для текущей власти моделью будущего. Тем самым внутри исторической «схемы» нации они символически разрешают конфликты между прошлым и настоящим состоянием политической системы и обосновывают свою легитимность. Каждому новому режиму нужно новое прошлое, поэтому память в политике нациестроительства часто замещается и подменяется историческими схемами, которые представляют

³⁷ Дробизева Л.М. Толерантность и проблемы интеграции многокультурных сообществ // Вестник Института Кеннана в России. - 2009. - Выпуск 16; Дробизева Л.М. Возможен ли конструктивный национализм? // Россия в глобальной политике. - 2008. - № 6; Крестинина Е. Социально-политическая идентичность в условиях интеграции // Власть. - 2008. - №4. - С.36-38; Лапкин В.В. Модернизация, глобализация, идентичность. Общие проблемы и российские особенности // Полис: Политические исследования. - 2008. - №3; Малинова О.Ю. Российская политическая элита и конструирование макрополитической идентичности // Идентичность как предмет политического анализа: Сборник статей по итогам всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010 г.). - М.: ИМЭМО РАН, 2011. - 299с. - С.144-151 и др.

собой социально-философские концепции большей или меньшей степени сложности и глубины. В их основе лежит догматизация универсального закона, открывающего возможность интерпретации того или иного факта исторического прошлого и прогнозирования будущего. Утопический и догматический историцизм, в терминологии К.Поппера, или «политика прошлого» представляет собой «метафизику истории»³⁸. К. Поппер показал, что примат историцизма в культурной политике восходит к «персонализации» исторических сил и тенденций.

Историцистские схемы могут характеризоваться большей или меньшей степенью цельности и проработанности. Но, независимо от этих особенностей, такие схемы производятся и навязываются нациям в рамках политик нациестроительства, они реконструируются, уничтожаются и перестраиваются в соответствии с потребностями власти текущего политического времени. Первым и важнейшим элементом циклической схемы политики памяти в России является вытеснение, забывание, отказ от преемственности. Революции, радикальная смена политического режима открываются политикой забвения и «сбрасывания» исторического балласта и сопровождаются разрушением культурного и политического опыта, цивилизационных накоплений, материально воплощенных в объектах культурного наследия.

Забвение и отказ от истории вызывает «выбрасывание» верховной власти из исторического контекста. Оказавшись в историческом вакууме и нуждаясь во встраивании в историческое время, элиты компенсируют отсутствие подлинного прошлого форсированным историцистским производством. Модели истории строятся с тем, чтобы заполнить вакуум памяти и чтобы во вновь созданной картине образ настоящей власти проецировался на «прошлое», а в прошлом обнаруживались конструктивные совпадения, символически легитимирующие текущую власть. Элитам необходимо, чтобы новая власть в символическом пространстве оказывалась «соответствующей» проверенным на прочность и эффективность моделям власти прошлого.

Государство создает прошлое и использует искусственную картину памяти как символический способ нациестроительства, единения общества и государства. Связь культурного наследия с государственной памятью прослеживается через символическую природу власти и символические пути и инструменты ее воспроизводства. Правящая элита, борясь за свою стабильность и самовоспроизводство, завоевывающая легитимность, апеллирует к управляемым посредством различных «посланий», в которых закодированы идеи и смыслы идеальной (необходимой, обоснованной, богоданной и т.д.) власти. Эти идеи и значения, если они гармонируют с существующим в

³⁸ Поппер К. Открытое общество и его враги. - М.: Культурная инициатива, 1992. - Т. 2. - С. 33-39

настоящем образом власти, обеспечивают и гармонию общества и власти. Символические послания «из прошлого» конструируют «идеальную модель». Воспринимая послания, общество должно улавливать соответствие образа текущей власти символической модели «идеальной власти в России» (как правило, это консервативная историцистская модель). Именно в культурном наследии часто закодированы смыслы и символы русской власти, поэтому государство заинтересовано в предъявлении обществу именно тех объектов наследия, в которых эти символы сконцентрированы в максимальной степени. Отсюда относительность ценности объекта культурного наследия: она не имманентна, а определяется властью в соответствии с ее потребностями и интересами.

Основной технологией историцизма является «выпячивание» или замалчивание тех или иных исторических периодов, поскольку в его основе лежит идея о том, что в прошлом той или иной нации или государства есть периоды более значимые – периоды расцвета, восхождения, величия и периоды нисхождения, заката, движения по «тупиковым» путям. Соответственно, историцизм как основание политики приводит к избирательности в политике культурного наследия. Элита акцентирует объекты культурного наследия, в концентрированном виде содержащие «закодированные» образы и символы, посредством которых обществу следует прочитывать и интерпретировать прошлую власть, настоящую власть и видеть необходимые совпадения. «Присваивая» себе символы прошлого, интерпретируя их, используя их для описания и классификации явлений политического настоящего, элиты подчиняют себе и само прошлое. Укрепление символических компонентов легитимности для российских элит делает политическую власть более устойчивой к внешним и внутренним кризисам.

Глава II

Формирование основных подходов российского государства к политике культурного наследия церкви

2.1. Формирование основ политики культурного наследия российского государства в контексте внутренней политики XVIII века

До конца 17 века ни церковь, ни государство не проявляли значительной активности в отношении охраны памятников старины и церковных реликвий. В конечном итоге, инициатива поступила именно со стороны органов государственной власти. Царь Федор Алексеевич издал указ «О подаче государю описных дел и счетных списков», предписывавший создать и сдать ему до 1 января 1681 года описи под угрозой «опалы от

великого государя»³⁹. В широком смысле, этот нормативный акт предвосхищает реформы Петра I, нацеленные на построение «регулярного государства», немислимого без порядка в сфере административного делопроизводства. В этом контексте, собственно сохранение историко-документальных письменных материалов выступало как сопутствующая задача.

Первый нормативный акт, специально нацеленный на сохранение предметов, имеющих историческую ценность, относится к 13 февраля 1718 года. Указ именной предписывал «тем кто найдет в земле или в воде какие старые вещи, <...>, все, что зело старо и необыкновенно» приносить находки комендантам. В указе содержалось обещание наградить принесшего «довольной дачей»⁴⁰. Указ часто игнорировался как кладоискателями, так и воеводами, проявлявшими «страшное неповиновение указам всемиловитейшего монарха»⁴¹, поэтому нормативный акт от 1718 года в 1721 году был дублирован сходным указом Сената⁴².

Политическая компонента впервые отчетливо прослеживается в Указе Сената от 20 декабря 1720 года, в соответствии с которым во всех монастырях страны должны были быть проведены инвентаризационные действия с целью изъятия древних грамот, «куриозных писем», рукописных и печатных книг, имевших историческое значение⁴³.

Учет и изъятие государством хранившихся в храмах и монастырях исторических ценностей, прежде всего, древних летописей и других рукописных документов, последовательно осуществлявшиеся в России с 1720 года, очень важно рассматривать в связи с задачей «устроения» новой Российской государственности. В ее основу закладывались не только система государственного администрирования по «шведскому» образцу, но и принципиально новая – имперская - идейная база. В свете этого обстоятельства открывается, что установление государством контроля над частью имущества церкви осуществлялось, помимо прочего, с целью его дальнейшего использования в построении государственной Российской империи, абсолютной монархии европейского образца. Для этого требовалось – впервые в

³⁹ Указ именной, объявленный разным приказам памятьми «Об описи дел в приказах и о подаче государю описных книг и счетных списков» от 9 ноября 1680 г. // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ) I. Т. 2. - № 842.

⁴⁰ Указ Петра I о сдаче старинных редкостей комендантам от 13 февраля 1718 г. // ПСЗ I. - Т.5. - № 3159.

⁴¹ Цит. по: Формозов А.А. Русское общество и охрана памятников культуры. – М., 1990. С.9

⁴² Указ Сената «О покупке в Сибири куриозных вещей и о присылке оных в Берг и Мануфактур - коллегия» от 16 февраля 1721 г. // ПСЗ I. - Т.6. - № 3738.

⁴³ Указ Сената вследствие именного «О присылке из монастырей Российского государства жалованных грамот» от 20 декабря 1720 г. // ПСЗ I. - №6. - №3693

политической истории России – изучить и идеологически оформить государственную историю. Впоследствии каждая смена политического режима в России сопровождалась такой «инвентаризацией истории» с целью ее идеологического «переоформления».

Показательно в этом отношении, что внимание субъекта государственной власти было обращено, в первую очередь, на хранящиеся в монастырях и церквях исторически значимые документы. В соответствии с Указом Сената от 20 декабря 1720 года, монашеству и духовенству необходимо было «во всех монастырях, обретающихся в Российском государстве, смотреть и забрать древние жалованные грамоты и другие курioзные письма оригинальные, также книги исторические и печатные»⁴⁴. Губернаторам, вице-губернаторам и воеводам предписывалось их собрать и прислать в Сенат⁴⁵. 16 февраля 1722 года также последовал именной указ, объявленный из Сената «О присылке из всех епархий и монастырей древних рукописных летописей и подобных книг в Москву в Синод»⁴⁶.

Инициатива государства по установлению учета и контроля над церковными книгами, документами и иными ценностями может и должна рассматриваться в контексте всей государственной политики Петра I. Одним из приоритетных направлений новой имперской политики было также такое «преобразование строя» церковной жизни, в результате которого институт церкви занял особое, специально отведенное и заранее определенное государем место в политической системе новой России. Достижение этой цели было связано с решением нескольких взаимосвязанных задач. Во-первых, необходимо было «освободить духовенство от крайнего увлечения экономическою стороною и обратить его к прямым, духовным делам; во-вторых, восстановить церковную дисциплину, в-третьих, поднять церковное просвещение»⁴⁷. Постановка каждой из них была связана с накопившимися проблемами в церковном управлении и в сфере взаимоотношений церкви и государства. В контексте решения этих проблем осуществлялись и практические управленческие действия по установлению государственного контроля над частью церковных ценностей.

⁴⁴ Указ Сената вследствие именного «О присылке из монастырей Российского государства жалованных грамот» от 20 декабря 1720 г. // ПСЗ I - №6. - №3693

⁴⁵ ПСЗ I - №6. - №3693

⁴⁶ Указ именной, объявленный из Сената «О присылке из всех епархий и монастырей древних рукописных летописей и подобных книг в Москву в Синод» от 16 февраля 1722 г. // ПСЗ I. – №.6. - №3908

⁴⁷ Рункевич С.Г. Учреждение и первоначальное устройство Святейшего правительствующего Синода (1721-1725 гг.) /История русской церкви под управлением Святейшего Синода. Т.1. – СПб.: Типография А.П. Лопухина, 1900. – 435с. - С.23

В XVIII веке были заложены основы государственной политики культурного наследия. Были очерчены ее основные цели и задачи: культурное наследие выступало в ней как один из инструментов «сочинения российской истории» и нациестроительства – построения в сознании нации представления о себе, создания идеального образа нации и государства. Основными направлениями деятельности государства в этой сфере в 18 веке были следующие: учет архивных дел, исторических документов, рукописей, сбор «куриозных» и особенно ценных предметов, контроль за перестройкой и реставрацией архитектурных сооружений, имеющих историческую, символическую или художественную ценность. Вместе с тем, нельзя не признать, что в XVIII веке еще «не существовало системы государственной правовой охраны культурного наследия России, <...> не существовало нормативных правовых актов, определяющих правила содержания исторических редкостей»⁴⁸.

2.2. *Синод как инструмент реализации государственной политики церковного наследия в XVIII-XIX вв.*

Государственная политика нового времени требовала упорядочения государственно-церковных отношений. В связи с требованиями построения новой государственности возникла необходимость, с одной стороны, очертить границы внутреннего церковного самоуправления, свободные от вмешательства со стороны государства, с другой стороны, ограничить возможности для вмешательства духовенства в светские дела, оградить государственное управление от влияния церкви, чтобы, по выражению самого Петра I, «патриарх являлся только блюстителем веры, а не таможенным надзирателем за торговлей табаком»⁴⁹.

Важнейшей задачей государства было обретение в лице органов церковного управления верных и лояльных исполнителей государственной воли. По выражению Феофана Прокоповича, церковь должна была усвоить, что «*священство есть особое сословие в государстве, а не особое государство*»⁵⁰. Новые формы управления должны были быть более совершенными, по крайней мере, более соответствовать новому порядку вещей. Во всяком случае, новое церковное правительство должно было «идти рука об руку с государственным правительством по пути коренных преобразований сложившегося строя жизни,

⁴⁸ Михайлова Н.В. Государственно-правовая охрана культурного наследия России во второй половине XX века. – М.: Закон и право, 2001. – С.65

⁴⁹ Цит. по: Рункевич С.Г. Учреждение и первоначальное устройство Святейшего правительствующего Синода... – С.24

⁵⁰ Феофан (Прокопович). Слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные. СПб: Тип. при Сухопутн. шляхетн. кад. Корпусе, 1760–1768. В 4-х тт. – Т.3. – С.36

признанного государством несостоятельным»⁵¹. Все эти задачи предполагалось решить путем учреждения Святейшего правительствующего Синода.

Согласно Духовному регламенту, Духовная коллегия стала органом власти, заменившим институт патриаршества (так, Н.И. Кедров говорит о «равнопатриаршеской» власти Синода⁵²), однако следует признать, что Синод даже не задумывался Петром I как равный патриарху⁵³. Духовная коллегия изначально была инкорпорирована в новую систему государственного управления – в систему уже созданных коллегий⁵⁴. Об этом свидетельствуют следующие обстоятельства: во-первых, название и порядок формирования нового учреждения, во-вторых, состав штата и названия должностей, в-третьих, принесение членами Духовной коллегии присяги (как в других государственных учреждениях) и общий порядок делопроизводства⁵⁵. Эти же факты свидетельствуют нам о государственном характере нового высшего органа управления церковью.

Уже вскоре после учреждения Св. Синод начал проявлять заботу о сохранности церковных реликвий. В XVIII в. Св. Синодом были изданы Распоряжение «О починке Ивановской колокольни» (17 апреля 1753 г.), «О пристойном хранении патриарших ризничных вещей» (1753 г.), «О соблюдении чистоты в церквях и о поновлении иконостасов и святых икон» (1753 г.) и другие акты. При этом в деятельности Синода по охране объектов культурного наследия нашли свое отражение все особенности нового института управления церковью как органа государственной власти. Это выражается в следующих обстоятельствах.

- Синод являлся органом государственного управления, необходимым новой власти, но не известным русскому обществу, неведомым церковной канонике и поэтому нуждающимся в легитимации, в том числе, через культурное наследие.
- Синод был политико-церковным учреждением, рядоположенным всякому другому государственному учреждению, прежде всего Сенату, поэтому синодальная политика, в целом, находилась в русле государственных тенденций сбережения национального культурно-

⁵¹ Рункевич С.Г. Учреждение и первоначальное устройство Святейшего правительствующего Синода (1721-1725 гг.) /История русской церкви под управлением Святейшего Синода. Т.1. – СПб.: Типография А.П. Лопухина, 1900. – 435с. - С.102

⁵² Кедров Н. И. Духовный регламент в связи с преобразовательной деятельностью Петра Великого - М.: Тип. МГУ, 1886. - 244 с. - С. 95

⁵³ Закржевский А.Г. Святейший Синод и русские архиереи в первые десятилетия существования «церковного правительства» в России. – СПб: Нестор. - 2000. - №1.

⁵⁴ Верховской П.В. Учреждение Духовной Коллегии и Духовный Регламент. Т. 1-2. Ростов н/д, 1916.

⁵⁵ Закржевский А.Г. Указ соч. - С.8

исторического наследия. Большинство синодальных постановлений были реакцией на решения Сената, что было симптомом поглощения в императорской России государственной властью церковной.

- Цели духовного управления в период Петра I были утилизированы, «приземлены»: устремленность к высокой духовной цели введения народа в Царствие небесное часто подменилась утилитарной заботой о пользе государства и подданных.
- Распоряжения Синода часто носили резонерский характер, поскольку функции и полномочия Синода были расплывчаты и нечетки, а сам орган не пользовался авторитетом у иерархов церкви.
- Епархии, приходы, монастыри обладали значительной имущественной и финансовой автономией, и Синод должен был выстраивать с ними отношения как с субъектами имущественного самоуправления.
- Синод выступал как субъект формирования собственных направлений политики в культуроохранной сфере только в реализации задач сохранения реликвий как чудотворного «инструмента откровения», при этом практически не принимая во внимание их историческую или художественную ценность.
- Синод, реализуя волю государства и будучи инструментом просвещенческой реформы Петра I, «выводил» русскую церковь из границ средневековой национальной замкнутости и охранительства к новой богословско-светской культуре, аналогом которой можно считать явление европейского протестантизма.

2.3. Исторические уроки нацистроительства: культурное наследие церкви в трансляции историцистских схем и презентации образа монархии в России в XIX-XX веке

В конце XIX- начале XX века стали применяться актуализационные подходы к политике культурного наследия для построения историцистских схем и образов российской монархии. В эпоху царствования Николая I и Александра II – модели «официальной народности», Александра III – доктрины «православие, самодержавие, народность», Николая II – модели «народной монархии».

В политике «официальной народности» была воплощена попытка объединить национальные идеи и западные инновации таким образом, чтобы миф об императоре - европейце дополнялся национальным характером самодержавия в России. Николай I, с одной стороны, выказывал желание и готовность «отмежеваться» от западной ориентированности, избежать «громоздких» и «продажных» западных парламентских институтов, с другой стороны, создать дополнительный «национальный» фундамент для

монархической власти⁵⁶. Поэтому, несмотря на то, что Николай I, как замечал Лю де Костин, «даже по крови был более немец, нежели русский»⁵⁷, в риторике, архитектуре, политике охраны культурного наследия, в элементах государственных ритуалов в период его правления стали воспроизводиться элементы новой национальной идеи. В ее контексте православие рассматривалось не в теологической методологии, а в более «утилитарном» ключе, выступая как «залог счастья общественного и семейного»⁵⁸. Русские в концепции «официальной народности» представлялись как группа, объединительным свойством которой считалась безграничная преданность монархам. Российская же история стала исключительно значимым инструментом легитимации монархии: «российские государственные институты представляли освященными историей и, соответственно, не подлежали суду с позиций западной мысли или западного политического опыта»⁵⁹.

Декорирование монархии культурными элементами «русской самобытности» было одним из способов доказательства ее национальной сущности. В этом же ключе следует рассматривать проявившийся в этот период интерес государя к национальной истории и его заботу о сохранении национального культурного наследия, оказание предпочтения русскому стилю в архитектуре, музыке, живописи. Посредством этих атрибутов, самодержавию, европейскому, имперскому по содержанию, придавалась национальная форма - «русский облик»⁶⁰.

В период царствования Александра II доктрина официальной народности не утратила своего значения в репрезентации государственной власти. Но в царствование Александра III в политике национальной идентичности произошли значительные изменения. 29 апреля 1881 года был издан манифест, очерчивавший новый образ самодержавной власти и по-новому интерпретировавший особенности исторического пути России⁶¹. В

⁵⁶ E.J. Hobsbawn. Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. Cambridge, 1990. - P.84; Heim Dollinger. Das Leitbild des Bürgerkönigtums in der europäischen Monarchie des 19Jahrhunderts // Karl Ferdinand Wemer(ed.), Hof, Kultur, und Politik im 19 Jahrhundert. - Bonn, 1985. - P. 325-362.

⁵⁷ Л. де Кюстин. Россия в 1839 году. - Т.1. - М., 1996. - С.180.

⁵⁸ Зорин А. Идеология «православия-самодержавия-народности»: опыт реконструкции // Новое литературное обозрение. - 1996. - № 26. - С. 86-87, 92-101.

⁵⁹ Вортман Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // РОССИЯ /RUSSIA. - Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII - начало XX века. М.: ОГИ, 1999. - С. 233-244. - С.238

⁶⁰ Борисова Е.А. Русская архитектура второй половины XIX века. - М.: Наука, 1979. - 319с. - С. 102-108; Кириченко Е.И. Русский стиль. - М.: Галарт, 1997. -430с. - С.110-136.

⁶¹ Манифест о незыблемости самодержавия - Высочайший Манифест Александра III от 29 апреля (11 мая) 1881 года «О призыве всех верных подданных к служению верою и правдою Его Императорскому Величеству и Государству, к искоренению гнусной

манифесте от 29 апреля 1881 г. (автором проекта текста, избранного Александром III, был К.П. Победоносцев) рождение русской нации связывалось с восстановлением монархической власти после Смутного времени⁶².

В риторике новой государственной идеологии понятия «российское государство» и «российская империя» уступили место понятию «земли русской». При этом линейность, поступательность традиции государственности отрицались. Эти концепты были заменены идеализацией далекого прошлого: «идеальным» временем согласия царя и народа стал считаться XVII век при умалении исторического значения XVIII и XIX веков. Русский император в этой модели понимался как квинтэссенция всего национального: традиций, устоев, государь также понимался как проводник, руководствуясь волей которого можно вернуться к истинно русским формам политической и духовной жизни. Поскольку «эта модель была ориентирована на вечное наследие, не тронутое историческими изменениями»⁶³, в политике Александра III культурное наследие эксплуатировалось для обоснования нового образа монархии через «возрождение» декоративных и символических элементов древнемосковской государственности, акцентуацию национального образа монархии как квинтэссенции всего традиционно национального; акцентуацию символической роли Православной церкви как духовной основы российской государственности, осуществляющей молитвенное посредничество между царем и народом.

Революционные события 1905-1907 года вызвали потребность верховной власти в новой историцистской схеме, по-новому символически легитимирующей самодержавную власть. Поэтому в период правления Николая II впервые была опробована модель «народной монархии», в рамках которой власть самодержца презентовалась как имеющая два истока: народный и божественный, сакральный. Вместе с тем, инновационная по своей сути кампания по репрезентации образа монарха 1913 года «подчинила» идею сакральности идее народности.

2.4. Взаимодействие церкви, гражданского общества и государства в сфере охраны культурного наследия в XIX веке

Еще в 18 веке все инициативы рождались на вершине вертикали власти, а вектор их осуществления всегда был управленческим, однонаправленным по

крамолы, к утверждению веры и нравственности, доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действиях учреждений России» // Правительственный Вестник. – 1881. - № 93. - 30 апреля (12 мая). - С.1.

⁶² Майорова О.Е. Митрополит московский Филарет в общественном сознании конца XIX века // Лотмановский Сборник - 2. - М.: 'ОГИ, РГГУ', 1997. - 860 с. – С.485-497.

⁶³ Вортман Р. Указ. соч. С.238

линии организации и контроля сверху вниз. Исполнители, отвечавшие за реализацию государственной воли, далеко не всегда проявляли добросовестность, более того, часто имели место небрежение, даже саботаж государственной воли.

Вместе с тем, «Просвещение» по-русски XVIII века было ее «общим историческим созревaniem», которое предвосхитило непреходящие достижения русской культуры века XIX. В 18 веке был практически с нуля создан базис для индивидуальной, общественной и государственной самоактуализации в пространстве европейской культуры, взаимодействия с западными партнерами, до сих пор смотревшими на средневековое Московское царство сверху вниз, «опираясь на свое научно-культурное превосходство». С этой точки зрения, революционная реформа Петра стала благодетельным страданием для русского общества и русской культуры. В охране культурного наследия в 19 веке очень четко себя проявила следующая тенденция: русское гражданское общество стало продуцировать культуроохранные инициативы. В них отражались новые подходы к сущности и назначению культурного наследия, рассматривалась гуманитарная, а не имущественная или политическая перспектива сбережения исторических и культурных памятников.

В начале XIX века стали поступать культуроохранные инициативы от губернских и даже местных властей, интерес к памятникам старины стали проявлять и частные коллекционеры. Тогда же были образованы первые институты, канализирующие в своей деятельности, с одной стороны, политические интересы государства, с другой стороны, гражданскую инициативу, в частности, археологические и исторические общества.

Вместе с тем, в политике Св. Синода продолжали доминировать подходы, выработанные в XVIII веке. Синод проявлял минимум внимания к политическим, историческим и художественным аспектам ценности церковного имущества, выражая готовность распространять охранительные практики лишь на объекты, обладающие духовной или имущественной ценностью. Так, соответствии с положением Комитета министров 1826 года, поновление приходских церквей в соответствии с правилами архитектуры было возложено «на попечение и ответственность прихожан, а духовенство должно заботиться только о том, чтобы все части строения соответствовали Соборным и синодальным правилам»⁶⁴. Такой подход был скорректирован лишь в некоторой степени, когда было решено, что специалисты в области строительства могут инициировать изменение планов строительства и ремонта церквей⁶⁵. Откровенное пренебрежение Св.Синода художественными и историческими

⁶⁴ Высочайше утвержденное положение Комитета министров «о правилах устройства церквей» от 9 марта 1826 г. // ПСЗ II. № 1. - № 186.

⁶⁵ Охрана памятников истории и культуры России. XVII-начало XX вв.: Сб. документов. М., 1978. - С. 334

асpekтами ценности церковного имущества приводило, в частности, к тому, что облик древних церквей уродовался «от нелепых пристроек и своенравных перестроек по па и старосты вместе с комиссиею строения»⁶⁶, в результате, по свидетельству А.С. Хомякова, многие московские храмы были «испорчены усердием православных, вечно пристраивающих приделы»⁶⁷. Духовные власти в этот период неохотно сотрудничали со светскими властями и гражданским обществом. Взаимодействию церкви и научной общественности мешал епархиальный сепаратизм, который понижал все уровни духовного управления: от Св.Синода, стремившегося к автономии и не желавшего подчиняться государственным законам, до епархиального начальства и приходских священников.

Прямые коммуникации между церковью и культурными и научными учреждениями и сообществами развивались медленно. Опека археологических комиссий стесняла епархиальные власти, поэтому они всячески пытались от нее освободиться. Епархиальные власти и приходское духовенство чинили препятствия гражданскому обществу, а Св. Синод занимал позицию игнорирования такого рода фактов.

Плодотворное сотрудничество, как правило, носило единичный и частный характер. Так, известно, что священники, стремясь заменить старое церковное убранство новым, продавали предметы из храмов музеям. Например, Исторический музей Москвы из одного из храмов Нижегородской губернии приобрел несколько ценных предметов, подаренные женой и сыном Д. Пожарского⁶⁸. Однако развитию этой области сотрудничества препятствовал не только консерватизм духовенства, но и научный регионализм.

В XIX веке приоритет в культуроохранных инициативах оставался на стороне светских органов государственной власти. Так, в 19 веке были введены уголовные санкции за небрежительное отношение к церковным ценностям. Причем содержанием правонарушения, связанного с посягательством на церковное имущество, было названо «святотатством». Вместе с тем, в конце XIX- начале XX века усилились позиции церкви в системе российской государственности, и новый статус духовного посредника в отношениях между монархом и русским народом гарантировал церкви защиту со стороны государства во всех ситуациях, когда научное сообщество «посягало» на ее имущественные или иные (духовно-идеологические) позиции. Поэтому церковь активно лоббировала свои имущественные интересы, а государство защищало ее имущественный статус, не поднимая вопросов о нежелании и неспособности духовных властей обеспечить тот уровень охраны культурного наследия, которого требовали гражданские институты. Таким образом, на рубеже XIX-XX

⁶⁶ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина в 19тт. – СПб., 1889. – Кн.2. – С.364

⁶⁷ Хомяков А.С. Сочинения в 8тт. – М., 1900. – Т.8. – С.79

⁶⁸ Церковный вестник. – 1898. - №5. - С.149-150

вв. государственная политика наследия была в большей степени проклерикальной, чем прокультурной, поскольку именно такой подход к ее осуществлению соответствовал интересам сохранения и воспроизводства монархии как политического института и историко-культурного мифа.

2.5. Особенности советской политики в отношении культурного наследия церкви

После Февральской революции 1917 года актуальным стал вопрос о выработке новой модели и принципов церковно-государственных отношений. На Поместном соборе, открывшемся в августе 1917 года, такая модель была разработана. После реализации мер, предложенных собором, церковь должна была функционировать на основе принципов самоуправления при сохранении привилегии православия как господствующей конфессии: глава государства непременно должен был быть православным, Закон Божий оставался обязательным школьным предметом, а церковные праздники — государственными.

Однако эти принципы не были реализованы. После победы Октябрьской революции одним из первых постановлений правительства большевиков стал декрет СНК Российской Республики, принятый 20 января (по ст. ст.) и изданный 23 января 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»⁶⁹. В соответствии с Декретом, «никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют»⁷⁰. Все имущества существовавших в России церковных и религиозных обществ было объявлено народным достоянием.

С 1918 года правительством большевиков последовательно проводилась политика воинствующего атеизма, дискредитации религиозного мировоззрения и пропаганды атеизма. Антицерковная политика начала осуществляться уже декабре 1917 г., когда была реквизирована синодальная типография. В январе 1918 года были приняты постановления об упразднении придворного духовенства, реквизиции имущества и помещений придворных церквей, национализации церквей Кремля и царского двора в Петрограде, а также закрытии церквей при государственных учреждениях. Начало полномасштабной войны с церковью историки связывают с событиями в Петрограде 13-21 января 1918 г., когда попытка вооруженного захвата духовно-

⁶⁹ Был опубликован как «Декрет о свободе совести и церковных и религиозных обществах» // Газета Рабочего и Крестьянского Правительства. — 1918. - 23 января (5 февраля). — 1918. - № 15 (60). — С. 1.

⁷⁰ «Декрет о свободе совести и церковных и религиозных обществах»...

исторического центра православия Александро-Невской Лавры встретила активное противостояние верующих⁷¹.

В 1922 году под предлогом борьбы с массовым голодом в Поволжье и других регионах стало производиться изъятие церковных ценностей. В рамках кампании в пользу государства изымались находившиеся в храмах всех конфессий изделия из драгоценных металлов и драгоценные камни. Фактически же это была провокационная кампания против Православной церкви, поскольку более 90 % указанных предметов было сосредоточено в ее храмах и монастырях. Изъятию подлежали и предметы, предназначенные исключительно для богослужебных целей (священные сосуды), что поставило в очень уязвимое положение духовенство и вызвало сопротивление части прихожан. Кампания сопровождалась репрессиями против священнослужителей. Большой резонанс вызвал расстрел прихожан в Шуе 15 марта 1922 года, во время которого были убиты четыре человека. Председатель советского правительства В.И. Ленин решил воспользоваться голодом и событиями в Шуе для «разгрома наголову» Православной церкви. С самого начала операции средства, изъятые у церкви, и не планировалось использовать для борьбы с голодом. Одновременно большевистский режим ставил целью «испроказить» (выражение протопопа Аввакума) Русскую Православную церковь и поставить во главе ее марионеточное обновленческое руководство⁷².

Православная церковь получила от советского государства разрешение самостоятельно заниматься сбором средств для помощи голодающим, и в период с 19 февраля, когда соответствующее обращение Патриарха Тихона было опубликовано в газетах, по 23 февраля 1922 г. Церковью было собрано около девяти миллионов рублей. Но Советское государство под предлогом помощи голодающим изъяло только в 1922 году церковных ценностей на четыре с половиной миллиона золотых рублей, причем собственно на покупку продовольствия из них было потрачено около одного миллиона. Подавляющая часть изъятых у церкви в 1922 году ценностей пошла в переплавку, а полученные с продажи деньги были потрачены на проведение самой кампании по их изъятию: антицерковную агитацию, техническое обеспечение (транспорт, грузчики, упаковочные материалы и т. п.), сверхсметные ассигнования и т. д. Значительная доля средств от продажи ценностей была потрачена на содержание партийного и советского аппарата. Именно в это время сотрудникам аппарата были увеличены зарплаты, различные виды довольствия и т. д. Часть золота и драгоценностей была попросту разворована, о чем

⁷¹ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства. М., 1918. № 18. С.272-273.

⁷² Кривова Н.А. Власть и Церковь в 1922-1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. – М.: АИРО-XX, 1997. – 226с. – С.121

свидетельствуют суды, прошедшие над сотрудниками Гохрана. На наш взгляд, изъятие церковных ценностей был, в первую очередь, политической, а не экономически целесообразной мерой, реализация которой преследовала следующие основные цели:

- Ликвидация остатков экономических ресурсов церкви, позволявших ей оставаться влиятельным политическим институтом;
- Дискредитация духовенства в глазах широких народных масс;
- Пополнение государственного бюджета и партийной кассы средствами не только для борьбы с голодом, но и для укрепления большевистского государства;
- Создание новых поводов для репрессий против духовенства;
- Усиление внутрицерковного раскола, наметившегося еще в 1917 году по линии отношения к новой власти и новому государственному режиму.

Вместе с тем, в этот сложный период в истории церковно-государственных отношений было положено начало процессу музеефикации и научного изучения церковных ценностей. Практические усилия и теоретические труды главного хранителя ризницы Троице-Сергиевской Лавры Ю.А. Олсуфьева, Председателя Комиссии по охране памятников И.Е. Бондаренко, о. Павла Флоренского и многих других известных и безвестных подвижников сохранения церковных ценностей легли в основу существующей в России системы музееведения.

Глава III

Культурное наследие церкви в политическом дискурсе 1990-2000 годов

3.1. Культурное наследие церкви в политике национальной идентичности конца 1990-2000 годов: факторы актуализации

В 90-е годы XX века в России обособились две альтернативные модели политики национальной идентичности: проект демократической модернизации и традиционно – великодержавной «консервации». Им соответствовали альтернативные модели символической политики. В широком смысле, нация и государство находились перед выбором между неизведанным – утопическим прозападным будущим и не менее утопическим, но кажущимся понятным и освоенным государственной памятью прошлым. Причем в обоих случаях предполагался отказ от советского – тогда единственного единого для нации идеала, «связанного единым каркасом пусть предельно морфологизированных норм, традиций и ожиданий»⁷³. Постановка вопроса о взаимоисключающих отношениях двух моделей исключила и возможность выбора в пользу их непротиворечивого сочетания.

⁷³ Кара-Мурза А.А., Панарин А.С., Пантин И.К. Духовно-идеологическая ситуация в современной России: перспективы развития // Полис. - 1995. - №4. - С.7

Если в середине 90-х годов культурная политика и политика наследия осуществлялись в соответствии с инновационно-мультикультурной моделью, то в конце 90-х годов ее общая направленность кардинально изменилась. Выбор государственной элиты в конце 90-х годов был сделан в пользу государственной великодержавности, в культурной политике – традиционалистского нациестроительства. Что касается презентации образа верховной власти, то начиная с 2000 года она во многом строится на модернизированном варианте модели «народного правителя», опробованной в начале XX века для презентации образа Николая II посредством модели «народной монархии».

Символическая политика культурного наследия стала одним из инструментов воплощения в социально-политическом процессе великодержавных идеалов и форсированного конструирования историцистской модели. Реализация соответствующей символической политики, инструментом которой стало культурное наследие, облегчалась тем обстоятельством, что в 90-х годах XX века в социально-политической и социокультурной сферах сформировались условия для органичного сопряжения в политическом дискурсе таких трендов, как актуализация религиозного фактора и монополизация национальной памяти государственной элитой. Дополнительными факторами актуализации религии и экспансии традиционализма стала ностальгия общества по стабильности.

Историцизм детерминирует избирательность политики культурного наследия. В конце 1990-х годов в ней стали широко применяться технологии избирательной актуализации некоторых элементов наследия, в наиболее концентрированном виде содержащих этосы веры, традиций, этнизма, великодержавия. В число этих элементов вошла значительная часть наследия Православной церкви. Несмотря на теоретико-методологическую и нравственно-этическую, а также эстетическую уязвимость самих принципов выбора тех пластов культурного наследия, которые в наибольшей степени соответствуют задачам нациестроительства и ориентирования общества на великодержавную модель развития, государство устойчиво и эффективно реализует императив выборочности в символической политике.

3.2 Культурное наследие церкви как инструмент конструирования национально-великодержавной картины российской истории и презентации образа «народного президента»

В начале XXI века основная политическая функция культурного наследия по-прежнему состоит в обеспечении историко-символической легитимности политической власти, а в основе культурной политики лежат императив историцизма и актуализационные технологии эксплуатации культурного наследия.

Как отмечалось в первой главе исследования, актуализация памяти как политического инструмента, как правило, в России сопровождается политическими процессами радикальных реформаций и революций - смут. В период политических трансформаций (смуты) 1980-х-1990х годов XX века интерес к истории государства был необычайно высок: все политические силы активно интерпретировали политическое прошлое. Однако единой картины «социалистического прошлого» в стране все же не сформировалось. Социальная трещина между группами, каждая из которых являлась носителем одной из моделей прошлого (старой - про-советской, новолиберальной и нигилистски - «отрицательной») нарастала.

Разрастание этого противоречия стало одним из факторов, побудивших государство вернуться в политику памяти в качестве основного актора, начав конструирование историцистской схемы, в основе которой лежит идея о великой России и ее великом прошлом. Первым предвестием поворота государства к новой политике памяти можно считать слова В.В. Путина, которые он произнес еще в 1999 году: «Что касается национальной стратегии, то мы <...> хотим одного: чтобы Россия стала великой державой»⁷⁴. По словам В.В. Путина, «для такой сложной, федеративно устроенной, многонациональной и многоконфессиональной страны, как Россия, одним из самых существенных объединяющих факторов должен быть общероссийский патриотизм»⁷⁵. Немаловажно, что В.В. Путин добавил: «Конечно, одним из его оснований является наша история»⁷⁶. Президент РФ также подчеркивал роль культурного наследия в восстановлении историцистской схемы великодержавности. Так, он заявил: «Духовное единство народа и объединяющие нас моральные ценности - это такой же важный фактор развития, как политическая и экономическая стабильность. Убежден, общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи - когда у него есть общая система нравственных ориентиров. Когда в стране хранят уважение к родному языку, к самобытным культурным ценностям, к памяти своих предков, к каждой странице нашей отечественной истории. Именно это национальное богатство является базой для укрепления единства и суверенитета страны, служит основой нашей повседневной жизни, фундаментом экономических и политических отношений»⁷⁷.

⁷⁴ Цит. по: Левин К. Национальная идея Путина // Коммерсантъ. - 1999. - 24 декабря.

⁷⁵ Путин В. В. Заключительное слово на совещании по проблемам развития малых городов России. 17 июля 2003 г., Старая Ладога // http://www.kremlin.ru/appears/2003/07/17/1800_type63378type82634_49025.shtml

⁷⁶ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации Президента России Владимира Путина // Российская газета. - 2007. - 27 апреля (№ 353).

⁷⁷ Там же

Стратегия национального возрождения понимается государством и нацией как неосуществимая без возрождения Русской Православной церкви, которая является партнером государства и ее помощником и на трудных этапах ее истории и предводителем народа на пути к его величию.

Поэтому государство способствует институциональному возрождению религиозных организаций. Начиная с издания Распоряжения Президента Российской Федерации «О возвращении Русской Православной церкви строений и религиозной литературы» (1991), в стране осуществляется процесс последовательного восстановления исторической справедливости по отношению к Православной церкви и иным религиозным организациям: церкви возвращается принадлежавшее ей имущество и осуществляется государственное финансирование восстановления религиозных зданий и сооружений, находившихся в федеральной собственности. Причем, в соответствии с волей государства, «задача и обязанность государства состоит не только в том, чтобы возвращать награбленное когда-то у церковных организаций государством, а и в создании условий для совместной эффективной работы по возрождению и укреплению нашей страны, прежде всего, конечно, в духовно-нравственной сфере, в деле воспитания молодых людей»⁷⁸.

Обществом и государством ясно осознается и политическое значение культурного наследия церкви, которое является символическим воплощением этноисторической самости российской государственности, неповторимости и величия исторического пути российского народа, религии и религиозной материальной культуры, системы ценностей, ментальности нации. Возвращенные церкви объекты культурного наследия несут значимую символическую нагрузку, с точки зрения осуществления «русского проекта». Так, символика соборов Кремля и Храма Христа Спасителя призваны свидетельствовать единство государства, народа и Русской Православной церкви. Единение государства и церкви в политике и культуре подчеркивает и обмен подарками между Президентом и Патриархом, предшествовавший инаугурации президента в 2012 году. В преддверии инаугурации В.В. Путин подарил Новодевичьему монастырю первый список Иверской иконы Божьей матери, хранившийся в фондах Исторического музея. В свою очередь, Патриарх в качестве дара от Русской Православной церкви преподнес Путину старинный образ иконы Божией Матери Умиление. На наш взгляд, образа Богородицы в качестве подарков отнюдь не случайны. С их помощью церковные и государственные власти пытаются указать на восстановление символического дискурса покровительства Богоматери российскому государству и власти.

⁷⁸ Стенограмма встречи В.В. Путина с представителями религиозных конфессий России в Свято-Даниловом монастыре 8 февраля 2012 года // Российская газета. - Федеральный выпуск №5700 (27). - 09.02.2012

3.3. Влияние политики нациестроительства на политическую культуру российского общества

Основным положительным эффектом политики нациестроительства является стабилизация текущей политической ситуации на основе историцистской схемы самобытности России, ее особого пути в истории, сглаживание модернизационных ритмов, снятие социально-политического напряжения, сопровождавшего политический транзит 90-х годов. Однако имеют место и негативные эффекты от эксплуатации культурного наследия как инструмента политики идентичности.

Навязчивое насыщение социокультурного пространства религиозными символами вызывает архетипизацию и архаизацию политического сознания россиян, эскалацию коллективного бессознательного. В социокультурном пространстве, насыщенном акцентуированными идеями и символами этнизма, формируется тревожно-конфликтотенная схема истории, «раздражающая» субъектов социальных и политических отношений, не идентифицирующих себя с православием и русским этнизмом.

Актуализационная эксплуатация наследия формирует у граждан потребительское отношение к культуре, поверхностность, клиповость, интерпассивность восприятия, вызывает опрожнение внутреннего мира, его схематизацию, мифологизацию и архаизацию. В отношении к прошлому в российской политической культуре не формируется ни характерной для современных западных обществ парадигмы памяти-преемственности, ни парадигмы культурного диалога. Россиянам свойственно восприятие исторического времени, присущее античной и средневековой культуре: статичное, синкретичное, цикличное. Из него выведены категории «прошлое», «последовательность», «поступательность», «преемственность», «кумулятивность», «наследование».

Отказ от подлинного прошлого и некоторых элементов культуры может приводить к опрожению не только социокультурной, но и политической реальности. Утилитарный подход приводит к схематизации морального и этического содержания истории, примитивному разделению всех фактов и событий на «хорошие» и «плохие». Если трагические периоды и события не удастся в полной мере вытеснить и забыть, они «маркируются» как плохие - зоны избегания. «Хорошие» периоды, напротив, маркируются как зоны символического притяжения, коллективной мобилизации, позитивной идентификации. Если «должного» хорошего прошлого нет, оно конструируется. Но при таком подходе культурное наследие не становится полноценным явлением социального и политического настоящего, и такая позиция культурного наследия «снимает», нивелирует его духовную сущность, превращая его в инструмент деформации общественного сознания. Его подлинный ценностно-смысловой, морально-нравственный, эстетический,

историко-политический потенциал не вливается в ресурсный потенциал гражданского общества.

Сегодня нарастает опасность, что культурное наследие церкви будет «транслировать» не столько подлинную историю, сколько мифологиемы, и у части российского общества не возникнет потребности преодолевать прошлое, разрушать мифологиемы и конструировать новые идеи и смыслы. Не будет происходить ни действительного развития духовности нации через самокритику, преодоление псевдо-религиозности, отказа от мифа о божественном предназначении, не сформируется и потребность в осуществлении поисков нового места, ролей и функций института церкви в политическом настоящем и будущем России. Общество смирится с мифами, государство, церковь и граждане усвоят привычку «подгонять» себя-настоящих под прошлое-симулякр.

Одним из негативных эффектов историцизма в политике культурного наследия стало то, что в России до настоящего времени не сформировалось универсальной и объективной классификации объектов культурного наследия. «Памятником» искусства, истории и культуры может стать любой объект, если он отнесен тем или иным экспертом к тому или иному историческому периоду или факту.

Глава IV

Передача религиозным организациям имущества религиозного назначения: историческая справедливость или политическая целесообразность?

4.1. Правовой статус культурного наследия Русской Православной церкви

Основным нормативным актом, определяющим правовой статус Русской Православной церкви в России, является Конституция РФ. В соответствии с 13-ой Статьей Конституции, «в Российской Федерации признается идеологическое многообразие» (п.1), «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (п.2)⁷⁹. Вместе с тем, Конституция налагает жесткое ограничение на установление какой-либо религии в качестве государственной: «Российская Федерация - светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом» (Ст. 14 п.1, 2)⁸⁰.

⁷⁹ Конституция РФ с комментариями Конституционного Суда. - Инфра-М, 2003 г. - 158 с. - С.15

⁸⁰ Конституция РФ. С. 17

Социальный и имущественный статус религиозных организаций, в частности, Русской Православной церкви, определяется законом от 26 сентября 1997 года «О свободе совести и о религиозных объединениях»⁸¹. Политическое новаторство Закона состоит в том, что в преамбуле подчеркивается «особая роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры»⁸². В определенном смысле, преамбула Закона еще в 1997 году зафиксировала правовые основания для рассмотрения православия как особого политического ресурса российского государства и народа, а положение «об особой роли православия» указывает на возможность, политическую целесообразность и потенциальную эффективность использования религиозного фактора в политике формирования национального дискурса. Имущественные права религиозных организаций также очерчены Законом «О свободе совести», в соответствии с которым религиозные организации могут иметь имущество на правах собственности, в том числе, «имущество, отнесенное к памятникам истории и культуры»⁸³. Кроме того, статья 21 устанавливает, что «религиозные организации обладают правом собственности на имущество, приобретенное или созданное ими за счет собственных средств, пожертвованное гражданами, организациями или переданное религиозным организациям в собственность государством либо приобретенное иными способами, не противоречащими законодательству Российской Федерации»⁸⁴.

Религиозные организации в нашей стране были восстановлены в статусе юридических лиц только после принятия Закона СССР от 1 октября 1990 года «О свободе совести и религиозных организациях». Начало процесса так называемой «реституции» имущества религиозных организаций было положено позднее - изданием Распоряжения Президента Российской Федерации от 31 декабря 1991 г. № 135-рп «О возвращении Русской Православной церкви строений и религиозной литературы»⁸⁵. В 1993 году Президент Российской Федерации издал Распоряжение «О передаче религиозным организациям культовых зданий и иного имущества»⁸⁶, поручив Правительству РФ

⁸¹ Федеральный закон РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. - СЗ РФ, 1997 г., № 39, ст. 4465

⁸² ФЗ РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. - СЗ РФ, 1997 г., № 39, ст. 4465

⁸³ ФЗ РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях»...

⁸⁴ Там же

⁸⁵ Распоряжение Президента РФ от 31 декабря 1991 года «О возвращении Русской Православной Церкви строений и религиозной литературы» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР, 1992, №3, ст. 97

⁸⁶ Распоряжение Президента РФ от 23 апреля 1993 г. N 281-рп «О передаче религиозным организациям культовых зданий и иного имущества». [Электронный ресурс] // Интернет-портал RUSPRAVO [сайт]. [2008]. URL: <http://ruspravo.org/sport-rasp/12.html> (дата обращения: 23.08.2011).

подготовить «поэтапную передачу в собственность или пользование религиозным организациям культовых зданий, строений и прилегающих к ним территорий и иного имущества религиозного назначения, находящихся в федеральной собственности, для использования в религиозных, учебных, благотворительных и других уставных целях, связанных с деятельностью конфессий»⁸⁷. Во исполнение поручения Президента, в 1995 году было принято Постановление Правительства РФ № 248 «О порядке передачи религиозным организациям находящегося в федеральной собственности имущества религиозного назначения»⁸⁸. В соответствии с этими документами, Донской монастырь, храм мученицы Татьяны при МГУ, Свято-Троицкий Ипатьевский монастырь в Костроме перешли в имущественное распоряжение Русской Православной Церкви⁸⁹.

Следующий этап восстановления религиозных организаций в имущественных правах начался в 2000 году, когда Архиерейский собор Русской Православной Церкви адресовал Президенту РФ В.В. Путину послание, в котором небезосновательно указывал на наличие исторической несправедливости, состоявшей в том что «в годы лихолетья государство незаконно изъяло у Церкви собственность, созданную трудами многих поколений верующих и, что гораздо более важно, посвященную Богу»⁹⁰.

Своего рода официальным ответом на Послание Архиерейского Собора стало принятие в 2001 году Постановления Правительства РФ № 490 «О порядке передачи религиозным организациям находящегося в федеральной собственности имущества религиозного назначения»⁹¹.

Последним и самым значимым шагом государства по восстановлению исторической справедливости стало принятие Государственной Думой Федерального закона Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. N 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности»

⁸⁷ Там же

⁸⁸ Постановление Правительства РФ от 14 марта 1995 года № 248 «О порядке передачи религиозным объединениям относящегося к федеральной собственности имущества религиозного назначения» // СЗ РФ, 1995, №12, ст.1059.

⁸⁹ Родин И. РПЦ хочет стать полноправным собственником. Получить свое имущество церковь согласна с существенными оговорками // Независимая газета. – 2009. - 03 июля. – С.4

⁹⁰ Письмо Юбилейного Собора Его Превосходительству Владимиру Владимировичу Путину Президенту Российской Федерации // Православие и жизнь. – 2000. - №2. – С.2

⁹¹ Постановление Правительства РФ от 30.06.2001 N 490 «О порядке передачи религиозным организациям находящегося в федеральной собственности имущества религиозного назначения» // СЗ РФ, 2001, № 28, ст.2889.

(подписан Президентом РФ 30 ноября и опубликован 3 декабря 2010 года)⁹². Принятие этого Закона фиксирует, что государство сделало последний и самый значимый шаг в длительном процессе реституции церковного имущества, национализированного почти сто лет назад. Суть Закона состоит в демонстрации со стороны государства заинтересованности в долгосрочном стратегическом сотрудничестве с РПЦ. Отметим особо, что термин «реституция» не вполне корректен для обозначения процесса восстановления российских религиозных организаций в имущественных правах. Согласно большинству словарей, «реституция (лат. restitution) – 1) восстановление поврежденного органа или ткани до нормального состояния; 2) восстановление в прежнем правовом положении»⁹³ и основной смысл реституции – в полноте возмещения ущерба.

4.2. Восстановление РПЦ в имущественных правах как основное направление государственной политики в отношении культурного наследия церкви

Восстановлением религиозных организаций в имущественных правах, принятием Федерального закона Российской Федерации от 30 ноября 2010г. государство демонстрирует заинтересованность в долгосрочном многогранном стратегическом сотрудничестве с РПЦ. Однако «урегулирование» имущественной стороны отношений церкви и государства, логично сопровождающееся восстановлением имущественных прав религиозных организаций, в том числе, возвращением церкви тех объектов, которые имеют статус культурного наследия, осложняет и обостряет другую сторону этих отношений, имеющую непосредственное отношение к культурному наследию. В конце 2010 года в России насчитывалось 6584 объекта культурного наследия федерального значения религиозного назначения. Из них православных объектов – 6402⁹⁴. Все они, согласно Закону РФ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности», постепенно перейдут в собственность Русской Православной церкви. В связи с этим, субъектность церкви в сфере эксплуатации и охраны культурного наследия заметно возрастает.

⁹² Федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. N 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» //Российская газета. – 2010. – 3 декабря.

⁹³ Словарь иностранных слов / под ред. И.В. Лехина и проф. Ф.Н. Петрова. - М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1949, 804 с. - С.563

⁹⁴ См.: Коробов П. Как церковь возвращала утраченное. История вопроса // Коммерсантъ. – 2009. - №32/В (4087). - С.3

Необходимым и сложным следствием и условием восстановления церкви в имущественных правах является демузеефикация большого числа объектов культурного наследия, вызывающая конфронтацию между частью гражданского общества и церковью. Вместе с тем, развитию полноценного сотрудничества гражданского общества с религиозными организациями в культуроохранной сфере препятствует ряд факторов.

Во-первых, демузеефикацию в России следует воспринимать как необходимое и сложное (хотя для многих и неприемлемое) следствие и одновременно условие процесса восстановления исторической справедливости по отношению к религиозным организациям и обществу в целом. Перемещение абсолютного большинства ценных предметов из церквей в музеи, музеефикация монастырских и храмовых комплексов после 1917 года в своей историко-политической основе имела экспроприацию имущества церковных юридических лиц, причем сама «музеефикация» часто осуществлялась варварскими методами⁹⁵. К концу 1970-х годов, в результате осуществления советской внутренней политики воинствующего атеизма, число действовавших храмов в России с почти восьмидесяти тысяч сократилось до 6800. Из 1498 действовавших к 1917 году монастырей в России осталось лишь 12. Из 57 духовных семинарий, действовавших в 1914 году, остались семинарии в Загорске, Ленинграде и Одессе (в первых двух городах имелись и духовные академии)⁹⁶. Эти факты создают достаточные основания для того, чтобы считать, что возвращение имущества церкви является единственным путем, посредством которого снимаются церковно-государственные противоречия, что только на этой основе может быть создан базис для поиска дальнейшего консенсуса по вопросу эксплуатации культурного наследия, в частности, его музеефикации⁹⁷.

Однако значительная часть так называемого «музейного сообщества» оказывает противодействие восстановлению имущественных прав церкви, не признавая даже на словах ни репрессивного характера осуществленной когда-то музеефикации, ни двойственного и неполного характера реституции.

Во-вторых, церковь лишь ожидает возвращения большей части имущества, но уже вызывает отсутствие внутренних финансовых и управленческих ресурсов для адекватного «сопровождения» процесса демузеефикации. Более того, неспособность церкви обслуживать (в соответствии с принципами охраны культурного наследия) некоторую часть

⁹⁵ Емельянов Н. Е. Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь с 1917 по 1952 г. // Богословский сборник / ПСТБИ. - М., 1999. Вып. 3, С. 258–274

⁹⁶ Архипов А. Апофеоз бессмыслицы. Никакой реституции собственности РПЦ не происходит, да и не может происходить // Частный корреспондент. – 2009. - 8 мая. – С.3

⁹⁷ Саввин Д. Церковно-государственный лабиринт. Подводные камни на пути реституции церковного имущества // АПН Северо-Запад. – 2010. - 29 января. – С.3

полученного имущества безвозвратно лишает общество части памятников культуры.

В-третьих, у церкви и светских организаций были изначально разные, базирующиеся на разных доктринальных основаниях и императивах подходы к охране культурного наследия. В отсутствии продуманного и кодифицированного в нормативном акте механизма взаимодействия церкви, гражданского общества и государства в сфере охраны культурного наследия, культуроохранная политика церкви транслирует узко религиозные нормы и практики охраны культурного наследия, поскольку опирается на консервативное учение, в котором церковные ценности находятся вне пределов экономических и социальных отношений, а отношение и обращение с памятником исключительно как с вещным объектом безусловно понимается как святотатство, оскорбляющее веру.

В-четвертых, при разрастании противоречий между церковью и гражданским обществом в сфере охраны и использования культурного наследия, государство выступает не арбитром, а, в первую очередь, защитником интересов церкви, попустительствуя коммерциализации и клерикализации культурных объектов. Государственная политика имеет проклерикальный уклон, что соответствует интересам укрепления церковно-государственного партнерства для воспроизводства текущего политического режима посредством политики нациестроительства. Однако это обстоятельство ослабляет позиции гражданского общества и препятствует развитию конструктивного диалога между религиозными и гражданскими организациями.

4.3. «Реституция» культурного наследия РПЦ и этноконфессионализация режима его эксплуатации

Определяя режим эксплуатации тех объектов культурного наследия, которые перешли в ее имущественное распоряжение, РПЦ проводит политику социокультурной реституции, формируя этноконфессиональный контекст вокруг памятников культуры. Таким образом, объекты культурного наследия переходят не только под имущественную юрисдикцию, но и под духовный «методический» контроль священноначалия, осуществляемый с опорой на учение Православной церкви. Соответственно, демузеефикация культурного наследия и неопределенность политико-правового режима совместной эксплуатации церковью и государством его объектов создают условия для осуществляемой церковью клерикализации и этнонационализации дискурса социокультурной идентификации личности.

Фиксируя связь проблемы демузеефикации с проблемой социокультурной идентичности, мы исходим из того, что культурное наследие играет важнейшую роль в процессе социокультурной идентификации. В нем потенциально сконцентрированы и система ценностей общества, и представления об «идеальном» и «нормальном для этого общества» человеке, о

его роли в обществе, в своем единстве и взаимосвязи оказывающие влияние на характер и степень культурной идентификации личности. Культурное наследие выступает в качестве элемента особого рода матрицы, в пределах которой формируется ментальность каждой отдельной личности и общественного сознания в целом, его нацеленность на этнонационализм или мультикультуральность как доминирующий и определяющий поведения способ восприятия социокультурной и политической реальности.

При государственном – светском - использовании памятников (например, в контексте политики атеистического государства), вокруг них формируется преимущественно «нейтральный», близкий к мультикультуральному фон социокультурной идентификации человека. Пространство художественного музея, в этом отношении, нейтрально. Памятник, помещенный в такой контекст, является объектом, интерпретация которого не предусматривает использование только одного - этнического или конфессионального кода.

Существуют примеры формирования «нейтрального» социокультурного фона и в физическом пространстве храмов. Условием нейтралитета, как правило, является сотрудничество церкви и гражданского общества, результатом которого становится музеефикация самого храма на основе достигнутого между церковью и обществом консенсуса и в той степени, которая не ущемляет прав верующих. Мы далеки от того, чтобы абсолютизировать и, тем более, идеализировать зарубежный опыт взаимодействия религиозных организаций, гражданских обществ и государств в эксплуатации объектов культурного наследия. Однако музеефикация церквей является важнейшим шагом в строительстве мультикультурного социокультурного пространства вокруг человека. Важным моментом демузеефикации, как правило, является именно то, что церковь перестает навязывать и даже предлагать человеку свое религиозное «сопровождение» в этом пространстве. Человек, вступая в него физически или фигурально, получает возможность самостоятельно настроить восприятие на каждое из его «преломлений»: сакральное или эстетическое. Причем взаимосвязи между первым и вторым церковь также не навязывает.

В России имеет место иная ситуация. В результате восстановления в имущественных правах, РПЦ получила возможность контролировать часть социокультурной среды, «насытив» ее, помимо конфессиональных, этнонациональными кодами и символами. Несмотря на то, что многие памятники, независимо от места экспонирования и имущественной принадлежности, уже не могут восприниматься исключительно в качестве предмета культа, церковь настойчиво предлагает человеку именно этноконфессиональный «вход» в пространство памятников культуры, создавая вокруг них соответствующий контекст. В настоящее время Русская Православная церковь не формирует «нейтрального» пространства культурной самоидентификации человека. Обеспечивая, в соответствии с буквой Закона, всем желающим доступ к объектам культурного наследия, она, тем не менее,

«обволакивает» их этнонациональным и этноконфессиональным духом, обставляя соответствующими декорациями.

Увеличение удельного веса этнонациональных компонентов в социокультурном дискурсе приводит к тому, что они стали играть более значимую роль в процессах самоидентификации личности. Причем в образуемом этнорелигиозном дискурсе использования памятников культуры умышленно или случайно соединяются, взаимозаменяются и подменяют друг друга такие компоненты как духовное и религиозно-конфессиональное, национальное и этническое.

В контексте этих процессов этнонационализация социокультурного дискурса с участием церкви выглядит органичным компонентом этнонационализации всей внутригосударственной жизни. Со стороны государства декларируется намерение содействовать формированию в России гражданского общества на основе модели наци-государства, с другой стороны, государство и церковь косвенно способствуют формированию «русского этнического самосознания» с использованием, в качестве инструмента, социокультурной среды.

Нацеленность двух политических институтов, церкви и государства, на формирование у граждан осознанных или подсознательных самоидентификаций с этноконфессиональными общностями, выдвижение их на преферентные позиции в структуре общественного сознания, таит в себе скрытую, но значительную опасность. Угрозу отречения от самой возможности формирования в России мультикультурной *civic nation*, отказа от самих идеалов и принципов нации-государства в пользу стратегии и практики этнонационализма. Прочтение культурного наследия Православной церкви как этнонациональной и религиозной культурной памяти встраивает их в великодержавную историцистскую парадигму интерпретации прошлого.

В *Заключении* подведены итоги и сформулированы основные выводы исследования. Обозначены перспективные, по мнению автора, темы и направления дальнейшей научной и практической работы.

3. ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ И ЕГО АПРОБАЦИЯ

Научно-практическая значимость исследования

Научная значимость работы связана, в первую очередь, с тем, что она способствует глубокому политологическому осмыслению теоретических и прикладных проблем формирования и осуществления государственной политики в отношении культурного наследия церкви и ее использования как политического инструмента нациестроительства и обеспечения символической

легитимности политической власти. Соответственно, сформулированные в диссертации положения и выводы представляют собой определенную методологическую основу для продолжения исследования этих проблем, а также могут быть применены в качестве содержания учебных дисциплин и спецкурсов в рамках изучения политики наследия.

С другой стороны, как представляется, *частные выводы* диссертационного исследования могут стать определенной основой для разработки новых направлений политики России в отношении культурного наследия церкви. Исключительно практический характер и конструктивную значимость имеют положения и выводы диссертанта, связанные с критическим анализом и оценкой политического содержания и эффектов такого масштабного мероприятия в области политики наследия, как передача религиозным организациям имущества религиозного назначения.

Вместе с тем, условием реализации практической значимости диссертации является реалистичная практикоориентированная деятельность по внесению автором предложений, основанных на выводах диссертации, в такие органы государственной власти, как Министерство культуры Российской Федерации (Департамент культурного наследия, Департамент контроля, надзора и лицензирования в сфере культурного наследия, Департамент государственной поддержки искусства и народного творчества, Департамент информационной политики и международных связей), Департамент межрегионального сотрудничества, национальной политики и связей с религиозными организациями города Москвы и др.

Апробация исследования

Основные идеи и положения диссертации излагались автором перед слушателями и студентами Национального исследовательского университета МИЭТ, Московского государственного областного университета, участниками следующих конференций:

1. Межвузовская научно-практическая конференция «Егоровские чтения» (январь 2012 г. г. Москва, НИУ МИЭТ);
2. Международная научно-практическая конференция «Глобализация: исторические предпосылки, эволюция и перспективы для человечества» (21-22.02.12, Россия, Москва, МГОУ);
3. Международной научно-практической конференции «Васильевские чтения X» (1-3.10.2012, Россия, Москва, МГЭТУ)

Основные результаты диссертационного исследования изложены автором в монографии и научных статьях, в том числе, в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ. Общий объем

публикаций по теме диссертации составляет более 40 п.л. Основные теоретические положения диссертации изложены в следующих публикациях.

Монографии:

1. *Растимешина Т.В.* Политика российского государства в отношении культурного наследия церкви: традиционные подходы и инновационные технологии. – М.: МГОУ, 2012. – 291с. (12 п.л.)
2. *Растимешина Т.В.* Культурное наследие церкви в политике российского государства. – Saarbrücken: Dictus Publishing, 2012. – 289с. (12 п.л.)

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

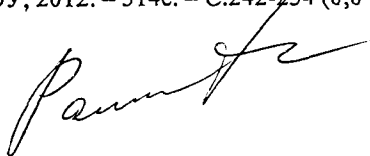
1. *Растимешина Т.В.* Государственная охрана культурного наследия как условие сохранения национальной идентичности российского общества (статья в научном журнале, рецензируемом ВАК) // Вестник МГОУ. - 2011. - №3. - С.245-250 (0,6 п.л.)
2. *Растимешина Т.В.* Передача религиозным организациям имущества религиозного назначения и этноконфессионализация режима использования объектов культурного наследия: к постановке проблемы // Вестник МГАДА. - 2011. - №5 (11). - С.111-123. (1,2 п.л.)
3. *Растимешина Т.В.* Усиление влияния Церкви на сферу охраны культурного наследия: политические, имущественные и социокультурные аспекты // Власть. - 2011. - №12. - С.32-36 (0,7 п.л.)
4. *Растимешина Т.В.* Демутуация объектов культурного наследия как политическая тенденция // Вестник МГОУ. - 2011. - №4. - С.163-168 (0,5 п.л.)
5. *Растимешина Т.В.* «Реституция» объектов культурного наследия в контексте внутривластных тенденций // Социально-гуманитарные знания. - 2012. - №1. – С. 244-255 (0,65 п.л.)
6. *Растимешина Т.В.* Восстановление религиозных организаций в имущественных правах и обострение противоречий между Церковью и гражданским обществом в сфере охраны культурного наследия // Среднерусский вестник общественных наук. - 2012. - №1. - С.74-80 (0,6 п.л.)
7. *Растимешина Т.В.* Охрана культурного наследия в контексте государственной политики XVIII века // Вестник МГОУ. – 2012. - №1. - С.120-127 (0,6 п.л.)
8. *Растимешина Т.В.* Власть и культурное наследие: вечные и вехные связи // Вестник МГАДА. 2012. - №1. – С. 44-53 (0,75 п.л.)

9. *Растимешина Т.В.* Культурное наследие и подданическая политическая культура российского общества // *Власть*. - 2012. - №2. - С. 18-22 (0,5 п.л.)
10. *Растимешина Т.В.* Сотрудничество церкви и государства в сфере охраны культурного наследия: глобальные вызовы и национальные проблемы // *Глобализация: исторические предпосылки, эволюция и перспективы для человечества: сборник трудов международной научно-практической конференции, МГОУ, 21-22.02.12, Россия, Москва.- М.: МГОУ, 2012. – 536с. – 409-418 (0,55 п.л.)*
11. *Растимешина Т.В.* Клерикализация среднего образования: гуманистическое и политическое измерение // *Вестник МГАДА*. - 2012. - №3. - С. 173-181 (0,7 п.л.)
12. *Растимешина Т.В., Вахтомин Н.К.* Гуманистическая направленность современного высшего образования в России // *Вестник МГАДА*. - 2012. - №3. - С. 147-154 (0,4/0,6 п.л.)
13. *Растимешина Т.В.* Культурное наследие в российской политике государственной памяти // *Власть*. - 2012. - №10. – С. 60-65 (0,6 п.л.)
14. *Растимешина Т.В.* Культурное наследие Церкви в презентации великодержавной модели истории и образа «народной монархии» в современной России // *Вестник МГАДА*. - 2012. - №5. - С. 76-85 (0,7 п.л.)
15. *Растимешина Т.В.* Религиозный фактор в политике идентичности: тенденции глобализации и нациестроительство в России // *Вестник МГОУ (электронная версия)*. – 2012. - №4. (0,7 п.л.)
16. *Растимешина Т.В.* Культурное наследие в политике российского государства: «конвертирование» культурной ценности в ресурс власти // *XI Васильевские чтения. Ценности и интересы современного общества. Материалы конференции. Часть1. Международная научно-практическая конференция 1-31 октября 2012 г. г. Москва. - М.: РГТЭУ, 2012. – С.208-210 (0,75 п.л.)*
17. *Растимешина Т.В.* Влияние политики культурного наследия на политическую культуру современного российского общества // *Вестник МГОУ*. – 2012. - №5. – С.128-135 (0,7 п.л.)

Публикации в других изданиях:

1. *Растимешина Т.В.* Образование и общество на рубеже веков: цивилизационные тенденции // *Ориентир: Сб. научных трудов. Вып.2. - М.: МПУ, 2005. - 232 с. - С. 180-196 (1 п.л.)*
2. *Растимешина Т.В.* Экономический подход к образованию как фактор дегуманизации образовательного процесса (статья в сборнике докладов и тезисов сообщений научной конференции) *Всероссийская*

- конференция «Декартовские чтения»: Сб. докладов и тезисов сообщений конференции. - М.: МГИЭТ, 2005. - С. 206-208 (0,4 п.л.)
3. *Растимешина Т.В.* Философия образования как методологическая основа формирования единого образовательного пространства СНГ // Вопросы качества планово-организационного обеспечения образовательного процесса: Материалы региональной научно-практической конференции. – Егорьевск: ООО «Видео-пресс», 2007. – С.5-16 (0,6 п.л.)
 4. *Растимешина Т.В.* Герой и святой — разнонаправленные векторы совершенствования // Вестник МГАДА. - 2010. - №1. - С. 86-100 (1,2 п.л.)
 5. *Растимешина Т.В.* Демутеефикация объектов культурного наследия: политические аспекты // Ориентир: сб. научных трудов (кафедра соц. наук и государственного управления МГОУ) / Под общ. Ред. Пирогова А.И. – М.: МГОУ, 2012. - 159с. – С.113-131 (0,8 п.л.)
 6. *Растимешина Т.В.* Риски и перспективы клерикализации образования: гуманистический аспект // «Философия, наука, образование»: материалы научно-теоретического семинара, посвященного 75-летию проф. Ю.Л. Егорова. - М.: МИЭТ, 2012. - С181-191 (0,6 п.л.)
 7. *Растимешина Т.В.* Культурное наследие как инструмент политики государственной памяти в современной России // Ориентир: сб. научных трудов (кафедра соц. наук и государственного управления МГОУ) / Под общ. Ред. Пирогова А.И. – М.: МГОУ, 2012. (1 п.л.)
 8. *Растимешина Т.В.* Политическая сущность государственной охраны и эксплуатации политики культурного наследия // Актуальные проблемы экономики, управления народным хозяйством и экономического образования – осень 2012: сб. статей межвуз. науч-практ. конф. – М.: Изд-во МГОУ, 2012. – 314с. – С.242-254 (0,8 п.л.)

Подписано в печать:

Формат 60х84 1/16. Уч.-изд.л.^{2,8} Тираж 100 экз. Заказ 6.

Отпечатано в типографии ИПК МИЭТ.

124498, Москва, г.Зеленоград, проезд4806, д.5, МИЭТ.